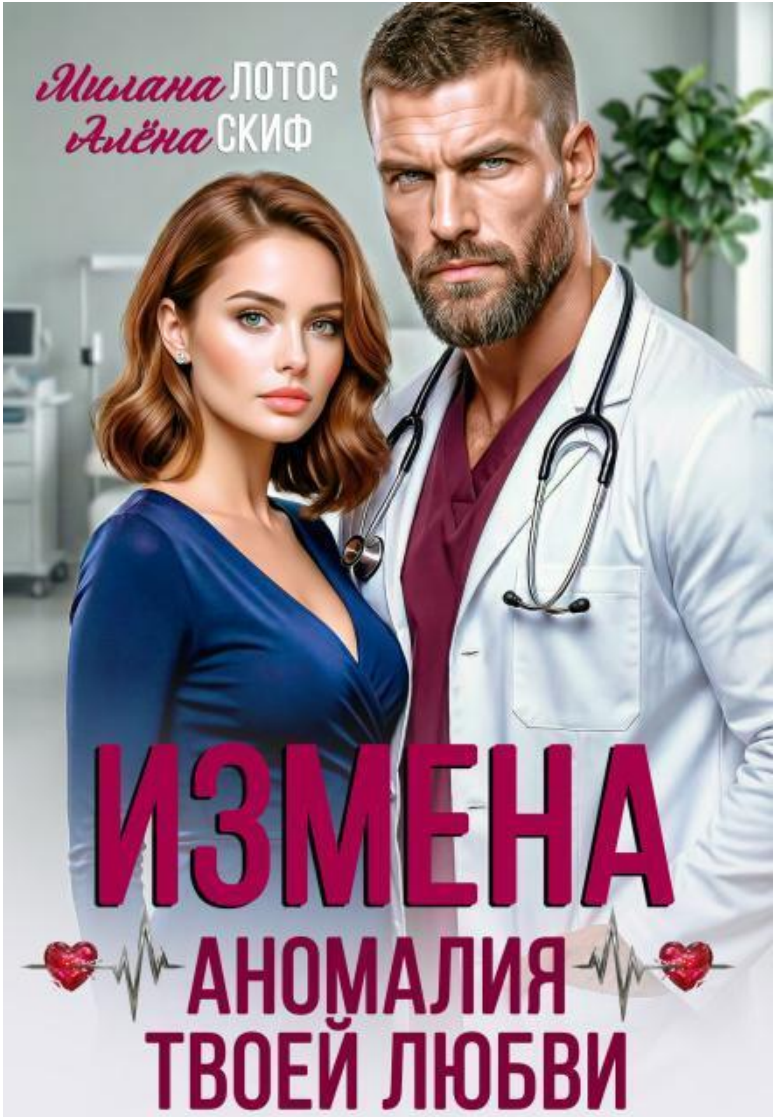

Милана ЛОТОС
Алёна СКИФ
ИЗМЕНА
АНОМАЛИЯ
ТВОЕЙ ЛЮБВИ

Алёна Скиф
Милана Лотос

Измена. Аномалия твоей любви

https://litres.ru/74700039

Аннотация

Я пришла домой с отрицательным тестом на беременность, а нашла в нашей постели двоюродную сестру и мужа.

Он в отключке, даже головы не поднимает, а сестра счастливая и довольная.

— Ты знаешь, сестрёнка, – говорит она почти шепотом, – а твой муженёк оказался хорошим жеребцом. Не зря про него такие слухи ходили по больнице. Оказалось, всё правда. У-у-уххх!

Она выдыхает это «ух» мне в лицо. Сладкий запах её духов. И смеётся. Тихо, с присвистом, как змея.

Я толкаю её в плечо – не сильно, но достаточно, чтобы она сделала шаг назад, за порог. И закрываю дверь.

– Убирайся, мразь, – шепчу я, сдерживая крик и слезы. И в этот момент мне хочется умереть.

В тексте будет:

❤#Сильная духом героиня, которая не сдается

❤#Мужик, в прошлом жуткий ловелас, который попробует измениться (ради любви)

❤#Любовница, которой очень нужен наш герой (в любом виде)

❤#Интриги, скандалы и расследования

❤#ХЭ будет для тех, кто достоин

Книга участвует в литмобе Синдром предателя >

Содержание

1.	5
2.	10
3.	16
Визуализация ❤#	22
4.	25
5.	31
6.	40
7.	50
8.	59
9.	64
10.	72
11.	81
12.	91
13.	100
14.	110
15.	121
16.	127
17.	135
18.	143
19.	150
20.	159
21.	167
Конец ознакомительного фрагмента.	169

1.

Первое, что я увидела, когда ворвалась в нашу с мужем спальню – голая, накаченная задница моего любимого мужа.

Лицо уткнулось в подушку. Он не шевелится. Одна рука свесилась с края, вторая придавлена телом. Дышит тяжело, с присвистом, как пациент в послеоперационном наркозе. Пьяный в хлам. Не просто пьяный – вырубленный. Таким я не видела его никогда. Арсений может выпить бокал пива и раскраснеться.

Картина маслом, белые простыни, чуть скомканные, загорелая филейная часть Арсения и рядом открытая бутылка красного вина.

Жалко дорогие простыни, которые я с таким трудом выцепила на распродаже.

Но больше всего жалко себя и… рядом сидящую полуголую девицу. Хотя нет, ее совсем не жалко.

Я сначала не осознаю, кто это, (В медицине такой термин называется – Прозопагнозия или лицевая слепота – неспособность узнавать знакомые лица.) а потом, вдруг как узнаю. И от этого мне становится дурно.

Комната пахнет вином и потом. Сладкие духи Ангелины смешались с кислым запахом спиртного в отвратительный коктейль, от которого меня тошнит.

Она одета — в одни трусики и тонкую комбинацию, ко-

торую я узнаю: это я подарила ей на прошлый день рождения. Она даже не прекрывается. Совсем ни стыда, ни совести. Моя кузина Ангелина счастливо улыбается. Поправляет волосы, распущенные, светлые, и смотрит на меня с такой откровенной, наглой нежностью, что у меня перехватывает дыхание.

— Ой, Верочка, – поёт она. – Ты что-то рано. А мы тут… немного расслабились.

И хихикает. Тем самым смехом – из детства, когда мы крали у тёти Любы варенье и она сваливала всё на меня.

Я стою в дверях. В руке – конверт с отрицательным анализом ЭКО, а в груди – ледяная пустота.

Я сдала кровь на ХГЧ вчера утром, сразу после дежурства. Сегодня результаты должны были прийти на почту, но я не смогла ждать. Заехала в лабораторию сама, попросила распечатать. Лаборантка, молодая девчонка с пирсингом в брови, посмотрела на меня с сочувствием — уже знала, что я увижу. Протянула листок молча.

<0.1 мМЕ/мл. Отрицательно.

Я не плакала. Держалась, как обычно. Потом, уже дома, в ванной, когда Арсений заснёт, можно будет дать волю слезам. А пока – держать лицо и улыбаться. Я знаю, что муж поддержит. Он всегда поддерживает.

Три попытки ЭКО. Два замершие беременности на ранних сроках. Один выкидыш на десятой неделе. Каждый раз он держит меня за руку, говорит «мы справимся», приносит

цветы и заказывает роллы. Ни разу не упрекнул, ни разу не спросил «может, хватит». Он идеальный, настолько, что это бесит.

— Бесит, – говорю я вслух и поправляюсь: – Просто… почему у других получается? А у меня нет… я что ущербная?

И вот я смотрю на мужа, который лежит на кровати и не поднимает головы. А еще на сестру, которая даже не пытается прикрыться.

— Арсений, – зову я. Голос не дрожит, хотя внутри все так и трясется от боли. – Арсений, встань.

Никакой реакции.

— Он спит, – говорит Ангелина с лёгким превосходством. – Устал. Мы с ним… немного утомились. Было жарковато.

Я шагаю к кровати.

Не к мужу. К сестре.

— Выйди, – говорю я тихо.

— Вера, ну чего ты? – Ангелина не двигается. – Это жизнь, понимаешь? Не все такие правильные, как ты. Арсений сам хотел. Сказал, что ты его достала с этими анализами, с ЭКО…

Я не даю ей договорить.

Моя рука сжимает волосы на её затылке — жёстко, профессионально, я знаю, где болевые точки. Ангелина взвизгивает, пытается вырваться, но я сильнее. Я выдёргиваю её с кровати как нашкодившего котёнка, не обращая внимания на то, как она царапает мои руки.

— Выйди, я сказала, – повторяю я не своим голосом.

— Пусти! Больно! Ты с ума сошла!

Я молча тащу её к двери. Ангелина упирается босыми ногами в пол, вцепляется в косяк – но я отрываю её и выталкиваю в коридор.

На перилах висит чужой кружевной бюстгальтер. Чёрный. Ангелина носит чёрное бельё, когда хочет «убить наповал». Я как-то спросила её: «Для кого?» Она тогда рассмеялась: «Для всех».

Шелковая блузка валяется на нижней ступеньке. Комком. Чуть выше – мужская рубашка Арсения.

— Дай мне одеться! – кричит она. – Ай! Мне больно! Ты не имеешь права!

Я смотрю на неё. На голые плечи. На счастливое, несмотря ни на что, лицо. На губы – припухшие, с размазанной бордовой помадой

— Я имею право, – говорю я. – Потому что это мой дом и мой муж. Даже если он – последний мудак.

И я толкаю её в грудь.

Она теряет равновесие – босые ноги скользят по ламинату. Ангелина взмахивает руками, пытается ухватиться за перила, не удерживается.

И летит вниз.

Не как в кино – быстро и эффектно, а медленно и немного комично. Ударяется спиной о третью ступеньку, потом головой о пятую. Катится кубарем до самого низа, сбивая по пу-

ти обувь и сумочку. Останавливается у входной двери и ложится, раскинув руки, как морская звезда, которую выбросило на берег.

Я замираю.

На секунду, всего на секунду, мелькает мысль: я врач скорой, осмотри шею, не двигай, может быть перелом шейных позвонков.

– Ты жива?

2.

Пошевелилась. Лежит на полу и дёргается, словно кукла на ниточках.

— Геля? – кричу я сверху. Голос звучит странно, будто издалека. – Ты в порядке?

Тишина. Затем всхлип. И ещё один.

— Ты… ты с ума сошла… – хрипит она, пытаясь сесть. Ладонь скользит по полу, ногти царапают ламинат. – Я… я позвоню отцу… Он тебя уволит… Ты… ты никто… а он главврач!

Я смотрю на неё сверху вниз. На её дорогую комбинацию, теперь перепачканную вином и пылью. На её идеальные волосы, в которые вцепились мои пальцы минуту назад. На её губы – припухшие, с размазанной помадой, из уголка которых сочится тонкая струйка крови.

— Звони, – говорю я. – Прямо сейчас. Я подержу тебе телефон, пока ты будешь объяснять папочке, что ты делала в постели его заместителя, пока его жена была на работе.

Ангелина замирает. Сжимает от ярости губы и стреляет в меня своими глазками.

— Он сам меня позвал, – цедит она, поднимаясь на четвереньки. Опирается на колено и морщится, наверняка ушибла. – Поняла? Сам. Сказал, что ты его уже не заводишь. Что ты – пустое место. Что он устал от твоих истерик и анализов.

Каждое слово – как игла. Не в сердце, а куда-то глубже, туда, где я даже не знала, что есть нервные окончания.

— Ты лгунья, – говорю я спокойно. Так спокойно, что сама себя не узнаю. – И всегда ею была. Продолжай в том же духе.

— Всё равно он будет моим! – кричит вдруг Ангелина снизу. – Поняла? Ты бесплодная! А я могу родить! Он уйдёт к нормальной женщине! Поняла?!

Я медленно спускаюсь вниз.

— Забирай, – говорю я спокойно. – Вон он наверху лежит, можешь подогнать грузовик и сгрузить его в кузов. Я не против.

Прохожу мимо неё – к двери. Открываю. Хватаю вещи кузины и выкидываю их на улицу. Они падают в лужу с характерным бульканьем и мне на мгновение становится легче.

– Убирайся, мразь, – шепчу я, сдерживая крик и слезы.

Ангелина смотрит на меня снизу вверх. В её глазах ненависть. Настоящая, глубокая, та, которая копилась годами. Я только сейчас понимаю, что она всегда меня ненавидела. Все эти годы – улыбки, совместные фото, «сестрёнка, ты лучшая» – всё это было маской. А под ней – зверь.

— Ты ответишь, — шипит она, хватает туфли и сумочку, медленно поднимается. Держится за колено, морщится. Губы дрожат – то ли от боли, то ли от унижения. Из уголка рта всё ещё сочится кровь, она вытирает её тыльной стороной ладони и смотрит на красную полосу с каким-то странным

любопытством.

— За каждую мою царапину и синяк ответишь, – продолжает она. – Ты думаешь, папа ничего не узнает? Думаешь, он поверит тебе, а не мне?

— Мне всё равно, кому он поверит, – говорю я. – Убирайся.

Она стоит на пороге. В одной комбинации и босиком. Волосы растрёпаны, на плече – синяк, который начнёт желтеть завтра, а потом станет фиолетовым. И она улыбается.

Это страшная улыбка. Не та, которой улыбаются сёстры. Та, которой улыбаются враги, когда знают, что ещё вернутся.

— Ты знаешь, сестрёнка, – говорит она почти шепотом, – а твой муженёк оказался хорошим жеребцом. Не зря про него такие слухи ходили по больнице. Оказалось, всё правда. У-у-ухxx!

Она выдыхает это «ух» мне в лицо. Сладкий запах вина и её духов. И смеётся. Тихо, с присвистом, как змея.

Я толкаю её в плечо – не сильно, но достаточно, чтобы она сделала шаг назад, за порог. И закрываю дверь.

Дубовая дверь. Тяжёлая и надёжная. Такая, которая защищает от взломщиков, но похоже, не от любовниц.

Я прислоняюсь к двери лбом. Древесина пахнет лаком и ещё чем-то старым, домашним. Мы выбирали эту дверь вместе с Арсением. Он тогда сказал: «Чтобы никто не вошёл, пока нас нет». Иронично.

За дверью слышится звук шагов. Босые ноги по мокрому

асфальту. Потом – хлопок дверцы машины и рёв двигателя. «Ауди» срывается с места, визжит шинами, и через секунду тишина возвращается.

Я стою в прихожей одна, облокотившись о стену.

Среди разбросанной одежды моего мужа. Среди запаха вина и чужой помады. Среди тишины, которая давит на уши.

Конверт с анализами всё ещё в моей руке.

<0.1 мМЕ/мл.

Отрицательно.

И это – окончательный диагноз.

Я сжимаю конверт в кулак. Бумага хрустит, мнётся, превращается в комок. Я хочу его выбросить. Разорвать. Сжечь. Но вместо этого кладу на тумбочку в прихожей. Пусть лежит. Как напоминание.

Глаза наполняются горючими, крупными слезами.

Я не сдерживаю их больше. Они текут сами, горячие, солёные, смешиваясь с капельками дождя, которые ещё не высохли на моём лице. Я плачу тихо, без звука, как привыкла за эти годы. Плечи вздрагивают, но я молчу.

Сколько я так стою? Минуту? Десять? Час?

Не знаю.

Время распалось на куски, как разбитая чашка, которую уже не склеить.

Но я беру себя в руки.

Буквально. Кладу ладони на плечи, сжимаю, делаю глубокий вдох. Вдох-выдох.

Раз, два, три. Как на смене, когда руки начинают дрожать перед сложным случаем. Дыши, Вера. Ты врач. Ты умеешь справляться с кровью, с болью, с чужим горем. Теперь, попробуй справиться с собственным.

Я поднимаюсь по лестнице.

Ступенька. Ещё одна. Мимо того места, где ударилась Ангелина – на третьей ступеньке осталась тёмная полоска. Кровь? Или вино? Я не наклоняюсь проверять. Мне всё равно.

Ступенька. Ещё одна.

В коридоре второго этажа – тишина. Такая плотная, что можно резать скальпелем.

Дверь в спальню открыта. Я вхожу.

Арсений лежит всё так же – голый, на животе, лицом в подушку. За время, пока я выкидывала его любовницу, он даже не пошевелился. Не услышал криков, удара, рёва мотора. Ничего.

Я подхожу ближе.

Он пахнет вином и духами Ангелины. Сладкая вонь ударяет в нос, и меня снова подташнивает.

— Арсений, – произношу я, громко и отчётливо, раскачивая его мускулистое тело, закалённое тренировками. — Проснись.

Никакой реакции.

— Арсений!

Я трясу его за плечо. Он мычит что-то нечленораздельное,

отворачивается, натягивает подушку на голову.

— Уходи, – бормочет он. – Пошла вон!

Я замираю от его слов. Не понимаю. Ничего не понимаю.

– Арсений, это я.

– Я сказал, оставь меня в покое, Вера!

3.

— Я сказал, оставь меня в покое, Вера!

Его голос – грубый, чужой, пьяный бьёт наотрез, как пощёчина. Он даже не открывает глаза. Просто отворачивается, натягивает одеяло на голый зад (может дует) и затихает.

Я стою посреди спальни и смотрю на него.

На этого человека, которого знаю пять лет. Которого целовала тысячу раз. Который держал меня за руку каждый раз, после неудачной процедуры ЭКО. Который плакал вместе со мной после последнего выкидыша.

Сейчас он похож на чужого.

Нет.

Сейчас он похож на животное. На пьяного, изможденного самца, который сделал своё дело и отключился.

Внутри меня что-то щёлкает. Не агнозия, не паника. Что-то холодное и точное, словно прицел.

— Арсений, – говорю я медленно, чеканя каждое слово. – Ты переспал с моей сестрой. В нашей постели. Пока меня не было. Ты понимаешь, что это значит?

Он не отвечает. Дышит. Тяжело, с присвистом, как перегретый мотор.

— Арсений! Арсений, мать твою! – Рявкаю и не узнаю свой голос. – Поднимайся, – хватаю с пола подушку и кидаю со всей силы ему в голову.

— Отстань, – мычит он, берет прилетевшую подушку и кладет себе под голову. – Вечно ты недовольна… твои скандалы… На ровном месте…

На ровном месте.

Дышу глубоко, потому что меня распирает. Я делаю шаг назад. Потом ещё один. Потом разворачиваюсь и иду в ванную.

Ноги несут меня на автомате. Врачебная привычка – когда человек в шоке, тело знает, что делать, даже если голова отключилась. Ванная комната небольшая, плитка холодная. Зеркало запотевшее – мне кажется, или здесь действительно нечем дышать? Я беру обычное пластиковое ведро, которым обычно мою полы. Ставлю его в душевую кабину.

Открываю кран на полную.

Льётся вода. Холодная. Февральская, прямиком из скважины.

Я стою и смотрю, как ведро наполняется. Капли разлетаются, попадают на мои джинсы, на свитер. Мне плевать.

Ведро наполняется до краёв. Я закрываю кран. Беру ведро обеими руками. Оно тяжёлое. Вода переливается через край, капает на пол.

Я возвращаюсь в спальню.

Арсений всё также лежит – голый, разморенный, беззащитный. Его спина мерно поднимается и опускается. Кажется, он снова заснул.

— Арсений, — говорю я. — Последний раз предупре-

ждаю. Проснись.

Никакой реакции.

Я поднимаю ведро. Размахиваюсь и… выливаю на него всю воду.

Холодный поток обрушивается на его спину, на голову, на подушку. Вода разлетается во все стороны, заливает простыни, ковёр, меня.

Арсений взрывается.

Он вскакивает с кровати как ошпаренный – буквально. Матерясь, задыхаясь, отплёвываясь. Руки летят к лицу, к волосам, он ничего не понимает, шатается, натыкается на тумбочку, роняет лампу. Падает.

— Твою мать! – орёт он. – Ты… ты… с ума сошла?! Вера! Какое… что за…

Он хватает полотенце с кресла, прикрывается, дрожит крупной дрожью. Зубы стучат. Лицо красное, опухшее, глаза безумные – не проснулся ещё, не въехал.

Я стою напротив. С пустым ведром в руке. С мокрыми волосами, в мокром свитере, с ледяной тишиной внутри. И глазами полными ярости. Замахиваюсь на него ведром, потом выдыхаю и качаю головой.

— Проснулся? – спрашиваю я спокойно.

— Ты… ты психопатка! – кричит он, сдергивает простыню и вытирает лицо. – Я… я сейчас… что за херня? Зачем ты меня облила? Вера!

— Я тебя разбудила, – говорю я. – Потому что ты не про-

сыпался, милый. Потому что ты был в отключке, любимый. Потому что твоя любовница уехала двадцать минут назад, а ты даже не пошевелился. Не проводил, денег не предложил своей прошмандовке.

Он замирает.

Смотрит на меня так, будто я говорю на неизвестном языке.

— Какая любовница? Какак прошмандовка? – хрипит он. – Ты это о чём?

— Ан-ге-ли-на, – произношу медленно по слогам, как для слабослышащего блаженного пациента. – Твоя. Любовница. Моя двоюродная сестра. Вы кувыркались в нашей постели. Я вас застала. Помнишь?

Арсений моргает.

Моргает.

Моргает.

— Что? – переспрашивает он. – Ангелина? Вера, ты… ты что, бредишь? Какая Ангелина? Она не… мы даже…

Он осекается. Трёт лицо ладонями. Садится на край кровати – мокрый, растерянный, пьяный. Вода капает с его волос на простыни, смешиваясь с разлитым вином.

— Я ничего не помню, – говорит он тихо. – Я пришёл домой… выпил бокал вина… потом в дверь позвонили… и всё. Я ничего не помню, Вера. Клянусь.

— Бокал? – переспрашиваю я. – Арсений, на полу бутылка. Пустая. Ты весишь восемьдесят килограммов и не пьёшь

ничего крепче пива. Кто, по-твоему, тебя напоил?

Он поднимает на меня глаза.

Мутные, красные, ещё не проснувшиеся до конца.

— Ты думаешь, я… с ней? – голос срывается. – С Ангелиной? Вера, это… это бред. Это не могло случиться.

— Не могло? – Я делаю шаг к нему. – А это? – Я показываю на вторую подушку – там всё ещё вмятина от чужой головы и несколько светлых волос. – А это? – Я поднимаю с пола заколку для волос – чёрную, с камнями, я такую не ношу. – А это?

Я бросаю заколку ему на колени.

Он смотрит на неё. Берёт в руки. Вертит. Лицо становится серым.

— Я… я не знаю, откуда это, – шепчет он. – Вера, я не помню. Я правда ничего не помню.

— Не помнишь? – Я смеюсь. Горько, страшно, почти истерично. – Как удобно, Арсений. Правда? Выпил, переспал с моей сестрой, а теперь «не помню».

— Между нами ничего не было! – Он вскакивает, делает шаг ко мне. Мокрый, упрямый, с глазами хищного зверя. – Я тебе говорю – ничего не было!

— Не было? – настаиваю я. – Тогда почему она лежала рядом с тобой почти голая? Почему она сказала, что ты сам её позвал? Почему она назвала тебя… – мой голос ломается, но я всё же договариваю, – …хорошим жеребцом? И почему о тебе в больнице ходят такие слухи? Ты там всех что ли

перетрахал?

Хорошие мои, если история вам нравится, поставьте ей сердечко и подпишитесь на автора

https://litnet.com/shrt/U_PT, чтобы не пропустить новые истории!

Визуализация

Друзья мои, сегодня я хотела бы познакомить вас с нашими героями. Поближе, так сказать!

Вера Львова (33 года) — фельдшер скорой помощи в той же больнице. Эмпатичная, принципиальная, долго лечилась от бесплодия (пока безуспешно). Готова развестись после «измены». Потеряла своего ребенка во время аварии, машина скорой помощи в которой она ехала, перевернулась. С тех пор, забеременеть не получается.

Арсений Львов (35 лет) — талантливый гинеколог, заведующий отделением акушерства и гинекологии. Честный, уставший, мечтающий о ребёнке. Любит жену, но слаб на передок, ой, на флирт.

Ангелина Шацкая (25 лет) — дочь главврача, эндокринолог. Красивая, инфантильная, с детства привыкла получать желаемое. Скрытая нарциссическая натура. Влюблена в мужа сестры и сделает все, чтобы выйти за него замуж.

4.

— Ты там всех что ли перетрахал?

— Никого я не трахал! — взрывается муж, и я вижу, как у него на лбу вздувается вена. Он в ярости, но держит себя в руках. — Я тебя люблю, Вер. Чего ты опять вспомнила моё тёмное прошлое?

— Само как-то на ум пришло. Ты голый, Ангелина в чулках и комбинации… хм… навеяло что-то.

— Твой сарказм сейчас совсем не уместен, — отрезает Арсений. Голос становится жёстким, командным. Он больше не мечется, не оправдывается. Он берёт ситуацию под контроль так, как привык в операционной.

Он поднимает с пола полотенце, завязывает его на бёдрах. Движения чёткие, без лишней суеты.

— Вера, слушай меня внимательно, – говорит он. – Я ничего не помню. Я пришёл домой, выпил бокал вина, и всё… провал. Я не знаю, как здесь оказалась твоя сестра и что вообще произошло. Но сейчас я похож на кусок дерьма, и орать на меня с похмелья – не совсем гуманно.

Он проходит мимо меня в ванную. Останавливается в дверях.

— Я иду в душ. Через десять минут буду в норме. За это время ты решишь – мы будем разговаривать как взрослые люди или ты продолжишь метать в меня свои ядовитые фай-

ерболы. И если ты меня все еще любишь, найди мне таблетку от головы и крепкий свежесваренный кофе. Встретимся на кухне.

Дверь ванной закрывается. Через секунду слышен шум воды.

Я стою посреди спальни. Одна.

Смотрю на смятые простыни, на пятна вина, на чужую помаду на постельном белье, на этот бардак, который мне теперь разгребать.

— Ну уж нет, – говорю я вслух. – Ждать на кухне, как послушная девочка, я не буду.

Я начинаю убирать.

Срываю простыни с кровати, комкаю их в охапку. Винные пятна расползаются по белой ткани, как кровавые разводы. Я бросаю их в угол — потом в стирку или может сразу в мусор. К чёрту эти простыни.

На полу – пустая бутылка. Я поднимаю её, рассматриваю этикетку. Дорогое красное вино. Мы такое не покупаем. Арсений пьёт пиво, иногда виски, но не это сладкое пойло.

— Ангелина принесла, – бормочу я и хмурюсь, – не понятно. Арсений сказал, что выпил бокал вина.

Я ставлю бутылку на тумбочку. Улика. Надо будет спрятать, потом пригодится.

Собираю волосы с подушки – длинные, светлые, не мои. Скручиваю их в маленький комочек, заворачиваю в салфетку. Тоже улика.

Вторую подушку переворачиваю – на наволочке следы помады. Бордовой.

— Сука, – шепчу я.

Выхожу из спальни и поднимаю со ступенек лестницы его рубашку. Я подношу её к лицу. Пахнет им и ею. Сладкие духи, от которых меня тошнит.

Я комкаю рубашку и бросаю её в кучу к простыням. Возвращаюсь в спальню и осматриваюсь.

Водопроводная труба за стеной замолкает. Шум воды стихает.

Я замираю.

Он выходит через несколько секунд. В спортивных штанах, надетых на голое тело. Волосы мокрые, зачёсаны назад. Лицо бледное, под глазами круги, но взгляд уже ясный. Тяжёлый. Арсений умеет брать себя в руки. Это одна из причин, почему я вообще за него вышла.

Он смотрит на меня, потом на кучу белья в углу, потом на бутылку на тумбочке.

— Что ты делаешь? – спрашивает ровно.

— Убираю за вами тот бардак, что вы оставили после себя, – продолжаю язвить. Мне это доставляет истинное удовольствие. – Не хочу спать в постели, где моя сестра трахала моего мужа или… наоборот.

Он молчит. Сжимает челюсть так, что желваки ходят ходуном.

— Я её не трогал, – произносит он медленно, но каждое

слово звучит как удар молотка. – Я не знаю, что здесь произошло, Вера. Но я тебе говорю, между нами ничего не было.

— Тогда почему она была голой? – Я поворачиваюсь к нему. – Почему ты был голым? Почему эта бутылка здесь стоит? Почему на подушке её волосы и помада? Арсений, я не дура. Я видела то, что видела.

— Ты видела то, что она хотела, чтобы ты увидела, – отрезает он.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент снизу, из прихожей, раздаётся звук.

Входная дверь открывается.

Мы оба замираем.

Ключи от дома есть у меня и у Арсения. Арсений здесь. Я тоже здесь.

– Кто внизу? – настороженно спрашивает муж и делает шаг в сторону двери.

— Верочка! – раздаётся знакомый голос. Сладкий, как мёд, и такой же липкий. – Ты дома? Я кое-что забыла.

Ангелина. Сука такая.

Вернулась.

Арсений поворачивает голову ко мне и его лицо становится каменным.

— Как она вошла? – спрашивает он тихо, не меня, скорее себя.

— Ключи были у тебя, – говорю я. – Ты спишь, как убитый, когда напьёшься. Могла взять из кармана куртки.

Шаги в прихожей. Лёгкие, босые – она не обулась, когда уходила. Или специально оставила туфли, чтобы вернуться.

— Арсюшенька, – зовёт она сладко. – Ты не спишь ещё, милый? Мы кое-что так и не закончили…

Арсений делает шаг к двери. Я перехватываю его за руку.

— Не смей, – шиплю я. – Ты в спортивных штанах на голое тело, без рубашки и вообще… с похмелья. Она только этого и ждёт, чтобы снова на тебя наброситься.

– Я тебе об этом твержу с самого начала. Это она на меня набросилась и практически изнасиловала.

– Чтоооо? – внутри меня все замирает и сцепив зубы я со злостью смотрю на мужа. – Оставайся здесь. Я сама с ней поговорю.

Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах – холодная ярость. Но он кивает.

Я выхожу в коридор. Спускаюсь на несколько ступенек.

Смотрю вниз.

Она стоит в прихожей. На ней блузка и штаны, грязные и мокрые после купания в луже. Волосы растрёпаны. На губах свежая кровь. И улыбка. Та самая, пугающая.

Ангелина поднимает голову. Видит меня и довольно улыбается.

— Ой, – говорит она. – А ты здесь.

Она переводит взгляд наверх, на дверь спальни.

– А я вам еще вина принесла. Арсений сегодня на приеме говорил, что просто обожает красное сухое, – она поднимает

руку, и я вижу там такую же бутылку вина, что и в спальне.

Сердце ёкает от того, что сзади подходит муж и с недоумением смотрит на Ангелину.

— А вот и мой жеребчик. Милый, я соскучилась. Может, повторим?

5.

Он медленно обходит меня и спускается по лестнице. Не спеша. Спокойно. Каждый шаг, как удар метронома. Босые ступни ступают по ламинату беззвучно, но почему-то кажется, что дрожат стены.

Ангелина продолжает улыбаться, но её улыбка становится всё более натянутой. Пальцы, сжимающие горлышко бутылки, белеют.

Арсений останавливается напротив неё. В трёх шагах.

Он выше её на голову. Сейчас, в спортивных штанах, с мокрыми волосами, с этим тяжёлым, немигающим взглядом, он похож на хищника, который решает — рвать жертву сейчас или поиграть сначала. Желваки ходят ходуном. Кулаки сжаты. Но голос спокойный. Слишком спокойный.

— Ты, — говорит он тихо. Одно слово. Но в нём столько холода, что на стекле мог бы выступить иней.

— Я, – Ангелина пытается кокетливо улыбнуться, но уголки губ дрожат. – Арсюшенька, ну чего ты такой злой? Я же пришла мириться. Вино принесла. Хорошее. Французское. Ты же любишь…

Она протягивает бутылку. Рука трясётся.

Арсений не берёт.

Он смотрит на неё. Потом на бутылку. Потом снова на неё.

— Ты вчера принесла вино, – говорит он всё так же ти-

хо, но теперь в голосе появляется что-то новое. Он медленно вспоминает. Я вижу, как работают его глаза — бегают из стороны в сторону, собирая картинку по кусочкам. Лоб напряжён, желваки ходят ходуном. — Сказала, что есть повод и его нужно отметить. Что-то вроде… что тебе звонила Вера и сказала, что она сдала тест на беременность. И он оказался положительным.

Он переводит взгляд на меня. Коротко… остро. Как скальпелем полоснул.

Я замираю от той лжи, которую придумала моя сестра.

— Я выпил бокал, — продолжает Арсений. Голос становится жестче, чеканнее. — А потом потерял память. И, похоже, девственность, которую хранил для жены. Потому что проснулся голым в собственной постели с тобой, – кивает он сестру, – которая даже сейчас смотрит на меня как на кусок мяса.

Ангелина открывает рот, но он не даёт ей вставить ни слова.

— А сегодня ты снова с вином, — он кивает на бутылку в её руке. — Ты что, алкоголичка? Или это у тебя такой способ знакомиться с мужчинами? Напоить, раздеть и сделать вид, что был секс?

Он улыбается. Холодно. Страшно.

— Или ты просто не умеешь иначе? Только через бутылку и чужие постели?

Ангелина бледнеет. Бутылка в её руке дрожит.

— Ты… ты не имеешь права…

— Не имею права что? Говорить правду? — Арсений делает шаг вперёд. — Ты пришла в мой дом. Напоила меня. Раздела. Легла в мою постель. А теперь пришла снова – с новой бутылкой. И ты спрашиваешь, имею ли я право?

Он наклоняет голову.

— Знаешь, Ангелина, есть такой диагноз — скрытая нарциссическая акцентуация. Когда человек не может получить желаемое открыто, он начинает манипулировать, врать, подставлять. Лечится долго. Иногда — годами. Но сначала надо, чтобы пациент признал проблему.

Он замолкает.

Смотрит на неё сверху вниз.

— Ты готова признать проблему, Ангелина?

Она молчит. Губы дрожат.

— Я так и думал, — говорит Арсений. — Теперь убирайся. Пока я не вызвал полицию.

Он делает шаг вперёд.

Ангелина инстинктивно отступает на шаг назад. Спиной упирается в дверь. Бутылка звякает о косяк.

— Ты хочешь меня снова напоить? — Арсений наклоняет голову. Голос становится ещё тише, ещё опаснее. — Или в этой бутылке уже что-то есть? Снотворное? Клофелин?

— Что… что ты говоришь? — Ангелина смеётся, но смех получается деревянным. Она отводит глаза. Потом снова смотрит на него. — Какое снотворное? Ты чего, Арс? Я про-

сто вино принесла…

— Ты пробовала его сама? — перебивает он.

— Что?

— Вино. Ты его пила? Из этой бутылки?

Ангелина сглатывает. Ладонь, которой она прижимается к двери, вспотела — на светлой краске остаётся тёмное пятно.

— Я… не люблю красное…

— Открой, — говорит Арсений. — Налей себе и выпей.

Он делает ещё шаг. Теперь между ними меньше метра. Он нависает над ней, как скала над пропастью.

— Арсений, ты с ума сошёл? Я за рулём…

— Ты пришла пешком. Босиком. Туфли вон в луже остались. Открывай, я сказал.

Его голос не повышается ни на децибел. Но от этого становится ещё страшнее.

Ангелина смотрит на бутылку в своей руке. Потом на меня. Потом снова на Арсения.

— А если я откажусь?

— Тогда я вылью это тебе на голову. Открою дверь и вышвырну тебя на улицу. В том виде, в котором ты есть. И вызову полицию. Сообщу о проникновении в частное владение и попытке отравления.

— Ты не посмеешь…

— Я гинеколог, — Арсений улыбается. Холодно и страшно. — Я принимаю роды каждый день. Я видел женщин в самом уязвимом состоянии. Ты думаешь, меня напугает твоя

пьяная рожа?

Ангелина бледнеет ещё сильнее.

— Уходи, — говорю я с верхней ступеньки. — Пока он тебя действительно не вышвырнул.

— А ты молчи, — вдруг взрывается Ангелина. Поворачивается ко мне, и в её глазах — настоящая ненависть. Чистая, первобытная, без прикрас. — Ты всегда была белой вороной. Правильная, тихая, бездетная. Ты просто завидуешь, что я могу дать ему то, чего ты не можешь!

Она не успевает договорить.

Арсений делает один шаг. Его рука молниеносно выхватывает у неё бутылку и открывает дверь. Он легко выталкивает её на крыльцо, как будто она всего лишь нашкодивший котёнок.

Ангелина вскрикивает — коротко, тонко, как раненая птица. Спотыкается, падает на колени в мокрую траву. Её блузка мгновенно пропитывается грязью.

— Не смей трогать мою жену, — говорит Арсений. — Не смей говорить о ней гадости. И не смей больше появляться в нашем доме.

Он швыряет бутылку вслед за ней.

Та разбивается о ступеньку. Вино разлетается красными брызгами — как кровь. Как те пятна на простынях. Как то, что останется после этой ночи.

— Ты ответишь! — кричит Ангелина с земли. Она пытается встать, но поскальзывается на грязи и снова падает на

колени. — Ты пожалеешь, Арсений! Ты даже не знаешь, на что я способна!

— Убирайся, — коротко бросает он.

И закрывает дверь, а потом поворачивается ко мне.

Дышит тяжело, как после забега. Грудь ходит ходуном. Капли пота со лба стекают по вискам. В глазах — такая усталость, какой я не видела никогда. И боль. Глубокая, затравленная боль, которую он пытается спрятать за яростью.

— Вера, — говорит он. Голос садится. — Дай мне аспирин и кофе.

— Что?

— Кофе, — повторяет он. Кусает губу. — Пожалуйста. У меня земля под ногами ходуном ходит. И если я сейчас упаду, это будет совсем не героически.

Он опирается на стену. Пальцы дрожат. Я вижу, как он сжимает их в кулак, чтобы унять эту дрожь. Он не хочет, чтобы я видела его слабым, но я вижу.

Я смотрю на него. На этого большого, сильного, только что вышвырнувшего мою сестру мужчину. Который сейчас держится за стену, потому что его шатает. Потому что мир под его ногами пошёл трещинами. Потому что он не знает — верит ему жена или нет.

— Иди на кухню, — говорю я. — Я сделаю тебе кофе.

— Спасибо, — выдыхает он.

Он идёт слегка покачиваясь. Каждый шаг даётся ему с трудом, но он не останавливается. Не просит помощи. Не

ждёт, что я подхвачу его под руку.

Я смотрю ему вслед.

Но глядя на то, как он только что защитил меня, даже не зная, виноват он или нет…

А он тем временем доходит до кухни и садится на табурет. Слышу, как его ладони шлёпаются о столешницу — тяжело, бессильно, а потом — глухой удар.

Такой звук бывает, когда тяжёлое тело падает на кафель.

— Арсений!

Хорошие мои, новиночка нашего Литмоба!

Встречайте.

Развод. Смертельная доза лжи

https://litnet.com/shrt/uWJR

Арина
НАЗАРОВСКА

— Какое вам ЭКО, Елена Сергеевна? У вас там зппп цветут махровым цветом.

Эти слова гинеколога перечеркнули мои планы на ЭКО. Муж заразил меня срамной болезнью, нагло наврал про «ошибку лаборатории» и тут же поехал к любовнице. Но измена — не самое страшное. Любовницей мужа оказалась моя родная сестра!

Пять лет брака оказались фальшивкой. Моя семья разрушена. Но я хирург-офтальмолог. Моя работа — возвращать людям зрение. И свою собственную слепоту я вылечу хирургическим путём. Я подаю на развод!

Вы хотели избавиться от меня? Как бы не так. Я заберу свое, а вы еще пожалеете, что решили сыграть со мной в эту грязную игру.

6.

Ноги сами несут меня вперёд. Я лечу по коридору, не чувствуя пола под собой, влетаю в кухню и замираю.

Он лежит на животе, голово повернута ко мне. Глаза закрыты. Лицо бледное, как простыня, которой я только что накрыла пятна красного вина на ковре. Из рассечённой брови – тонкая струйка крови, тянется по переносице, сворачивает к противоположной щеке. Губа разбита и от него еще разит вином. В общем, выглядит он словно пьянчуга с подворотни.

Я падаю на колени рядом с ним.

— Арсений! — трясу его за плечо. — Арсений, ты слышишь меня?

Никакой реакции.

Пульс. Надо проверить пульс.

Мои пальцы недрожат, когда я прижимаю их к его шее. Я делала это стопятьсот раз и сейчас действую на автомате. Сонная артерия. Тук-тук-тук. Пульс есть. Сильный. Слишком сильный – как после тяжелой нагрузки, но есть.

— Арсений, открой глаза, — командую я. Врачебным голосом. Тем, который не терпит возражений. — Ты меня слышишь?

Он морщится. Складка между бровями углубляется. Губы шевелятся, но звука нет.

— Не пытайся говорить, — говорю я. — Лежи. Я вызову скорую.

— Не надо, — выдыхает он. Голос хриплый, чужой. — Не надо скорую. Просто… дай мне минуту.

Он пытается сесть, но я не даю. Прижимаю его плечо к полу.

— Лежать, я сказала! Ты ударился головой. У тебя может быть сотрясение.

— Вера, — он открывает глаза. Мутные, несфокусированные, но он смотрит на меня. Видит меня. — Не кричи, пожалуйста.

— Я не кричу! — срываюсь я, хотя внутри меня все дрожит от страха. Но я беру себя в руки и стараюсь успокоиться. Страх сковывает меня. Я смотрю на мужчину, который только что был сильным и уверенным, а теперь лежит на кухонном полу. Его волосы намокли, а лицо покрыто кровью.

А еще мне страшно, потому что я ещё не решила, простила его или нет. А он может умереть.

— Вера, — шепчет он. — Ты здесь.

— Я здесь, — говорю я. — Не умирай, пожалуйста. Не сейчас. Не после всего.

Он слабо улыбается. Криво. Кожица засохшая на губе вновь лопается и кровь размазывается. Он морщится от боли и снова закрывает глаза.

— Я вроде как не собирался сегодня, — хрипит он. — Голова просто… закружилась. Встану я, наверно.

— Не встанешь, — отрезаю я. — Будешь лежать, пока я не скажу. Я тут фельдшер скорой помощи.

— Ты не командуй, — бормочет он, но глаза уже закрываются. Дыхание выравнивается. Медленно, тяжело, но он дышит.

Я сижу на полу рядом с ним. В одной руке — его запястье, пальцы на пульсе. Вторая — гладит его по голове, отодвигает мокрые волосы со лба, чтобы посмотреть на рану.

Рассечение неглубокое. Кровь уже останавливается.

Я выдыхаю. На секунду, всего на секунду позволяю себе поверить, что самое страшное позади.

А потом вижу, как новая струйка крови сочится из-под волос и течёт по виску.

— Чёрт, — шепчу я.

Прижимаю пальцы к ране сильнее. Кровь просачивается между пальцев, тёплая, липкая. Я понимаю, что просто так это не остановить. Рассечение глубже, чем показалось сначала. Края раны расходятся – нужны швы.

— Арсений, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Слушай меня. Мы едем в больницу.

Он не открывает глаз. Только морщится.

— Не надо, — сипит он. — Всё нормально. Просто голова…

— Твоя голова сейчас не просто голова, — перебиваю я. — У тебя рассечена бровь. Глубоко. Нужно зашивать. И губа разбита. Плюс сотрясение – я почти уверена. И ещё…

Я замолкаю.

И ещё мне нужно, чтобы он сдал кровь на токсикологию. Чтобы я знала — было там снотворное или нет. Чтобы я могла поверить ему… или не поверить.

Но вслух я этого не говорю.

— Вставай, — командую я, подхватывая его под руку. — Я помогу.

Он открывает глаза. Мутные, но в них уже появляется что-то похожее на осознание.

— Ты уверена?

— Я фельдшер скорой, Арсений. Я уверена.

Он тяжело поднимается, опираясь на меня. Весь его вес – почти девяносто килограммов давит на моё плечо. Но я держу. Зубы сжимаю, но держу.

— Ключи в прихожей, — говорю я. — На тумбочке. Моя машина во дворе. Идём.

Мы кое-как добираемся до прихожей. Я натягиваю на него первую попавшуюся куртку. Сам он не может, руки не слушаются. Застёгиваю молнию, как маленькому.

— Вера, — бормочет он. — Я сам.

— Молчи. И не дыши на меня. От тебя перегаром разит, как от всего нашего отделения в новогоднюю ночь.

Он почти смеётся, но смех превращается в стон.

Я открываю дверь. Февральский холод врывается в лицо, и это отрезвляет. Мокрый снег уже перестал идти, но лужи остались. Машина стоит у калитки.

— Держись за меня, — командую я. — И не вздумай падать. Я не смогу тебя поднять.

Мы идём медленно, шаг за шагом. Он тяжело дышит, я чувствую, как колотится его сердце — через куртку, через мою одежду. Я открываю заднюю дверь, усаживаю его на сиденье.

— Лежи, — говорю я. – Не вставай и голову не поднимай.

Я сажусь за руль. Завожу двигатель. «Фольксваген» рычит, выхватывая фарами мокрую дорогу.

— Держись, Арсений. Я поведу быстро, но аккуратно. Ты можешь пока поспать, — говорю я, вдавливая педаль газа. — Но я буду тебя будить каждые пятнадцать минут. И если ты не ответишь на мои вопросы – я тебя убью. Понял?

— Понял, — бормочет он. — Как тебя зовут? Вера. Где я? В твоей машине. Кто президент? Не помню, но какая разница…

— Шутник, — выдыхаю я. — Спи уже.

Дорога до больницы занимает пятнадцать минут. Пятнадцать минут ада, когда я смотрю то на дорогу, то в зеркало заднего вида — дышит ли он, спит или нет.

Он дышит. Но лицо бледное, на лбу — испарина. Кровь из рассечённой брови продолжает сочиться, заливает глаз, течёт по щеке. Я вытираю её тыльной стороной ладони, когда мы останавливаемся на светофоре.

— Арсений…

— Ммм, — мычит он. И добавляет: — Я вспоминаю.

— Что?

— Как она пришла в ординаторскую. Что говорила. Как открыла вино. — Он замолкает. Потом тихо: — Я не хотел её целовать, Вера. Я не хотел.

Моё сердце пропускает удар.

— Потом расскажешь, — говорю я. — В больнице. Сейчас главное – не отключиться.

Больница встречает меня запахом хлорки и дешёвого кофе. Я паркуюсь у крыльца на аварийку, плевать на правила. Выбегаю, открываю дверь, кричу в темноту:

— Нужна помощь! Срочно!

Из приёмного покоя выходит дежурный фельдшер Серёжа – молодой, высокий, с вечно сонными глазами. Увидев меня, он тут же просыпается.

— Вер? Что случилось? – бросает сигарету и бежит ко мне.

— Муж, — говорю я коротко. — Ударился головой кафельный пол. Рассечение брови, сотрясение. Крови много. Надо зашивать.

Мы вдвоём вытаскиваем Арсения из машины. Он почти не стоит на ногах, но пытается улыбнуться.

— Серёжа, привет, — хрипит он. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Арсений Петрович, вы бы хоть не пугали так Веру Пал-

ну, — отвечает Серёжа, закидывая руку мужа себе на плечо. — Она сейчас сама в обморок грохнется.

— Я не грохнусь, — отрезаю я. — Несите его в четвёртую. Я сейчас позвоню дежурному хирургу.

Но в коридоре я решаю позвонить дежурному травматологу — Косте, нашему старому другу. Он берёт Арсения сразу, без очереди. Обещает зашить, провести осмотр, сделать КТ.

— Кровь на токсикологию возьмите, — говорю я тихо, чтобы никто не слышал. — Пожалуйста.

Костя поднимает бровь, но не задаёт вопросов. Он знает меня давно и доверяет.

— Сделаем, — кивает он. – Может еще что-то?

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, ничего больше не надо.

Я остаюсь в коридоре одна. Смотрю на дверь, за которой скрылся Арсений. Слышу его голос — он шутит с медсёстрами, даже будучи в таком состоянии. Всегда шутит, флиртует. Этого у него не отнять. Всегда делает вид, что всё хорошо.

Мне нужно отдохнуть.

Я иду в комнату для фельдшеров — маленькую каморку с двумя топчанами, старым телевизором и чайником. Сейчас там, наверное, никого нет — вечерняя смена, все на вызовах.

Я открываю дверь и замираю.

Внутри — Серёжа и Лена - диспетчер. Они сидят на топчанах, пьют кофе и оживлённо перешёптываются. Увидев меня, замолкают.

— Вер, ты чего? — спрашивает Лена. — С тобой всё в порядке? Я слышала, Арсения привезли…

— В порядке, — говорю я. — Нормально. Зашивают сейчас.

Я сажусь на свободный топчан. Руки трясутся. Я прячу их под себя.

– Выпей кофе, – ставит передо мной кружку Сережа и откидывается в кресле. – Полегчает.

– Спасибо, – делаю глоток и закрываю глаза. Потом открываю. Ребята смотрят на меня, не отрываясь.

— Вы чего такие напряжённые? — спрашиваю я, чтобы отвлечься. — Что случилось?

Серёжа переглядывается с Леной. Молчат.

— Да ладно вам, — говорю я. — Всё равно узнаю. Вечерняя смена, сплетни быстрее ветра расползаются.

Лена вздыхает. Отставляет кружку.

— Главврач наш, Шацкий, рвёт и мечет, — говорит она тихо. — Всех хочет раком поставить. Такой скандал, Вер, ужас.

— С чего вдруг?

— С дочерью его что-то случилось, — вступает Серёжа. — С Ангелиной. Приехала сегодня вся побитая, в грязи, с разбитой губой. Говорит, что её…

Он замолкает.

— Что? — спрашиваю я. Голос не дрожит, но внутри всё леденеет.

— Избили, — говорит Лена шёпотом. — И… похоже, изнасиловали. Прямо в больнице, представляешь? В стенах больницы! Шацкий в бешенстве. Поднял всех на уши. Сказал, что найдёт виновного и убьёт своими руками.

Хорошие мои, позвольте порекомендовать вам новинку нашего Литмоба!

Развод по жизненным показаниям

https://litnet.com/shrt/EgQk

— Что ты устроила?! — рявкает муж, с силой сжимая мое запястье. — Пацаны просто шутят! Он же просто приобнял ее, че ты истеришь и позоришь меня перед мужиками?!

Я смотрю на рассевшуюся в гостиной компанию и на свою сжавшуюся от ужаса дочь, а потом — на человека, с которым прожила пятнадцать лет.

Что с нами стало? Раньше ведь он таким не был.

— Мы уходим, Игорь. Я подаю на развод.

— Иди-иди! Кому ты нужна, старая вешалка с прицепом! Приползешь еще! — бросает он мне вслед.

Я ушла в никуда, надеясь только на себя. И не знала, что

мой личный ад только начинается.

Муж решил уничтожить меня, собственная мать встала на его сторону, а помощь пришла оттуда, откуда я не ждала...

7.

Я смотрю на встревоженные лица Лены и Сережи.

А потом меня накрывает.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног, но я не падаю. Я сижу на этом продавленном топчане, в этой прокуренной комнате, и слушаю, как они рассказывают мне про мою сестру.

Которая только что была в моём доме. Которая упала с лестницы. Которая пришла снова — с вином, с улыбкой, с «Арсюшенька, я соскучилась. Может повторим».

А теперь она – жертва. Она – та, кого избили и изнасиловали.

— Вер, — зовёт меня Лена. — Ты слышишь?

Я киваю. Автоматически.

— Слышу.

— Ты какая-то странная, — говорит Серёжа. — Ты в порядке?

Я смотрю на него. На его молодое, ещё не тронутое цинизмом лицо.

— Нет, — говорю я. — Я не в порядке.

Серёжа молчит. Лена молчит.

Я разворачиваюсь и иду к двери.

— Ты куда? — окликает меня Серёжа.

— Мне надо к мужу, – говорю я, но на самом деле, я хочу

посмотреть в глаза этой лгунье. Этой мелкой тварине, которая является мне двоюродной сестрой.

Я выхожу в коридор и осматриваюсь. На дворе уже ночь.

А больница по ночам — это настоящий лабиринт. Белые стены, белые лампы, белые лица. Я иду по этому лабиринту, и каждый шаг отдаётся в висках.

Где она?

В приёмном покое? В гинекологии? В кабинете отца?

Я сворачиваю за угол. Прохожу мимо ординаторской. Мимо поста медсестёр.

— Вера Павловна? — окликает меня старшая медсестра Нина Ивановна. — Вы чего в такую ночь?

— Ищу кое-кого, — бросаю я на ходу.

— Арсения Петровича в четвёртой смотрит Константин Васильевич. Вы туда?

— Я не знаю, — поворачиваюсь и смотрю на медсестру. Пожимаю плечами, потому что и правда на знаю. Вообще-то, я ищу свою сестру, но когда Нина Ивановна сказала про мужа, мне безумно захотелось его увидеть. Может, я сумасшедшая, а быть может до сих пор люблю своего мужа. Я ведь до сих пор не уверена в том, изменил он мне или это была всего лишь актерская игра Ангелины.

Но, черт побери, устроить подобное, в одиночку?!!! Да не верю, я!

Поэтому, я разворачиваюсь и иду дальше.

Но чем дальше я иду, тем больше понимаю — я не най-

ду её. Она не будет сидеть в коридоре, не будет ждать меня. Она сейчас в кабинете отца. Плачет. Рассказывает, какая она несчастная. Пьёт валерьянку и строит планы.

А может, её уже увезли в другую больницу — для объективности.

Я останавливаюсь посреди коридора.

Закрываю глаза.

— Чёрт, — цежу сквозь зубы и ударяю кулаком по стене, а потом разворачиваюсь и иду в четвёртую палату. К мужу.

Арсений лежит на кушетке, когда я вхожу. Костя, наш лучший травматолог, зашивает бровь — аккуратно, ювелирно. Не доверил никому это простое занятие, потому что они с Арсом друзья.

Арсений морщится, но терпит. Увидев меня, пытается улыбнуться.

— Вер, — хрипит он. — Ты здесь.

— Я здесь, — говорю я и сажусь на стул рядом. Беру его за руку. Пальцы холодные, но он сжимает мои.

— Всё будет хорошо, — говорит он.

— Не говори ерунды, — отвечаю я, все еще злясь на него.

Костя заканчивает. Накладывает повязку.

— Швы снимем через пять дней, — говорит он. — Сотрясения нет, КТ чистое. Но пару дней лучше побыть дома. И с алкоголем осторожнее.

— Я и не пью, — бормочет Арсений.

— Кровь на токсикологию взяли, — тихо говорит Костя,

отворачиваясь от Арсения, чтобы он не слышал. — Результаты завтра утром.

Я киваю.

— Спасибо, Кость.

Он уходит. Мы остаёмся вдвоём.

— Арсений, — говорю я, серьезно. — Давай поговорим, а?

Он кивает и шумно вздыхает.

– Ты помнишь, что было сегодня?

Он закрывает глаза. Морщится — то ли от боли, то ли от напряжения.

— Помню, что она пришла в ординаторскую. Принесла вина и сказала, что есть повод отметить. Типа, ты позвонила, и сказала, что тест на беременность положительный.

Я замираю.

— Она сказала тебе, что я беременна? – закатываю глаза, потому что слышала об этом. Но мой муж еще не знает, что на тумбе в доме лежит отрицательный тест на беременность. Хотя… это уже не важно.

— Да. — Он открывает глаза. Смотрит на меня. — Я обрадовался, Вера. По-настоящему. Я поверил. Я был так счастлив, что не заметил, как она…

Он замолкает.

— Что… она?

— Подсела ближе. Обняла, а потом оцеловала. Я… я оттолкнул её, Вера. Я помню, что оттолкнул. А потом — про-

вал. Пустота. И только когда ты меня водой облила — я очнулся.

Я смотрю на него. На его разбитое лицо. На зашитую бровь. На его глаза, в которых — боль и отчаяние.

— Понятно, — говорю я и отворачиваюсь.

Он замирает.

— Ты мне веришь? - с надеждой спрашивает и сжимает мою ладонь.

— Не знаю, Арс. Правда не знаю. Все слишком запутано и многое не сходится.

– Что не сходится? – непонимающе спрашивает и пытается заглянуть мне в глаза.

– Как она тащила тебя из ординаторской в машину? Неужели в больнице никто этого не видел? Как привезла домой и открыла дверь? Где взяла ключи? Как затащила на второй этаж?

– Я не знаю, – пожимает он плечами. – Ничего не помню.

Я замолкаю. Потом выдыхаю.

— Разберемся с этим позже, а сейчас, я должна тебе кое-что сказать.

— Что?

Я смотрю на дверь. Потом снова на него.

— Ангелина сейчас в больнице. Приехала вся побитая. И сказала, что её… эмм… изнасиловали.

Он бледнеет. Ещё сильнее, чем был.

— Что? — шепчет он и его глаза темнеют от ярости.

— Что слышал. Прямо в стенах больницы. Шацкий рвёт и мечет. Ищет виновного.

У меня для вас новинка!
Развод. Лекарство от предателя
https://litnet.com/shrt/TFCP

ГАЙДЭ
НИ

- Слушай… А твоя… м-м-м… клуша не спохватится? Обед-то заканчивается. Вдруг прискачет со своими судочками?

- Да кому она нужна? - пыхтит мой муж, сбиваясь на выдохи. - Катька совсем… ха-а… заморозилась с нашей проблемной мелкой. Ни кожи, ни рожи, одни сопли и вечное нытье про школу. Достали… да, вот так… обе. С ней спишь как с бревном, честное слово! А вот ты, Блудильцева… о-о-х… ты - чистый огонь…

Они смеются надо мной. Поверить не могу, что это всё говорит человек, за которого я вышла замуж!

***

Говорят, трудности родительства должны делить двое. Но мой муж устранился сразу после родов. Пока я тянула на себе быт и проблемы дочери, он отгородился от семьи, прикрываясь работой. Я закрывала глаза на холодность, пока не застала его измену с коллегой. Мой мир раскололся на части, но мне даже не дали времени на слезы - нашу клинику перекупили, и весь персонал согнали на экстренное собрание.

Толик уверен, что я - удобная амёба-жена, которая утрется и будет молчать. Но он ошибается. Только как мне вы-

строить жизнь заново и не сломаться, когда у клиники появляется новый босс?

Антон Щитов - бескомпромиссный хищник. Настоящий мужчина со стальным стержнем, разительно непохожий на моего лощеного мужа-предателя.

Я жду увольнения, ведь всего пять минут назад, не зная его в лицо, имела неосторожность на него накричать и заставить таскать пациентов... Но вместо этого Щитов внезапно делает мне предложение, от которого нельзя отказаться. Предложение, которое поможет мне раздавить предателя-мужа, но взамен... потребует отдать новому боссу нечто большее.

Какую игру он затеял и почему выбрал именно меня?

8.

— Что слышал. Прямо в стенах больницы. Шацкий рвёт и мечет. Ищет виновного.

Арсений сжимает челюсть. Желваки ходят ходуном. В глазах — холодная, тяжёлая ярость. Пальцы, которыми он держит край простыни, белеют от напряжения.

— Она назвала имя? — спрашивает он тихо. Очень тихо. Голос как натянутая струна – вот-вот лопнет.

Я качаю головой.

— Никто не знает, — говорю я, пожимая плечами. — Пока никто. Шацкий молчит. Только ищет.

Он закрывает глаза. Дышит тяжело, как после забега. Грудь ходит ходуном.

— А если назовёт? — шепчет он. — Если она назовёт мое имя?

Я молчу, потому что не знаю, что ответить.

— Вера, — он открывает глаза, смотрит на меня. В них осторожность. — Я не трогал её. Ты же знаешь.

— Арсений, я ничего не знаю, — напряженно отвечаю. — В любом случае, это ничего не значит. Если она назовёт твоё имя, тебе никто не поверит. Ты мужчина, а она женщина. А теперь ещё и жертва.

Арсений бледнеет. Ещё сильнее, чем был.

— Что ты будешь делать? — спрашивает он.

— Я пойду к дяде, — говорю я. — К Шацкому.

— Вера, не надо…

— Надо, — перебиваю я. — Потому что если я сейчас не скажу ему правду, а завтра Ангелина назовёт твоё имя – будет слишком поздно. Он поверит ей, потому что он ее отец.

Я встаю и делаю несколько шагов в сторону двери.

— Я скоро вернусь.

— Вера, — окликает он меня.

Я оборачиваюсь.

— Будь осторожна.

— Всегда, — говорю я и выхожу, плотно закрыв дверь.

Коридоры больницы по ночам пусты. Только дежурные медсёстры сидят на постах, пьют чай и перешёптываются. Я прохожу мимо них, не глядя. Чувствую на себе их любопытные взгляды. А может жалостливые.

Сплетни уже разлетелись. Все знают и все обсуждают.

Я поднимаюсь на третий этаж. Здесь — кабинеты начальства. Петр Александрович Шацкий, главный врач, брат моего отца, занимает самый дальний кабинет. С табличкой, которая блестит под лампой.

Дверь закрыта. За ней лишь тишина. Ни голосов, ни криков.

Я поднимаю руку. Стучу три раза.

— Войдите, — устало говорит он.

Я открываю дверь.

Шацкий сидит за столом. Перед ним лежат разбросанные

бумаги, чашка с остывшим кофе, пепельница, полная окурков. Он выглядит уставшим – красные глаза, взлохмаченные волосы, расстёгнутая рубашка. Галстук сбит набок. Рукава закатаны до локтей.

Увидев меня, он хмурится. Откидывается на спинку стула. Скрещивает руки на груди.

— Вера? Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно поговорить с вами, Петр Александрович, — говорю я, закрывая за собой дверь.

— Говори, — он кивает на стул. — Присаживайся.

Я сажусь и смотрю ему прямо в глаза.

— Я знаю, что случилось с Ангелиной, — говорю я. — Не знаю кто, но знаю, что это не так, как она вам преподнесла

Шацкий молчит. Пальцы барабанят по столу. Желваки ходят ходуном и я понимаю, что он злится.

— У неё разбита губа и синяки на теле. Она сказала, что её изнасиловали. Но это не так. Она была в моём доме сегодня днем и… – я замолчала, не зная, как продолжить.

Шацкий замирает.

— Что? — тихо спрашивает он.

— Она была у меня дома. Пришла с бутылкой вина. Напоила моего мужа. Сказала ему, что я беременна. Что тест положительный и…

— Зачем? — Шацкий подаётся вперёд.

— Чтобы он ей поверил и расслабился. Она пыталась соблазнить Арсения. И когда у неё не получилось – она под-

сыпала ему что-то в вино. Он потерял сознание. А когда я вернулась… она лежала в моей постели. Почти обнаженная в обнимку с моим мужем.

Шацкий смотрит на меня. Долго. Тяжело.

— Ты хочешь сказать, что моя дочь… лгунья? — голос его становится тихим и опасным.

— Я хочу сказать, что ваша дочь пыталась разрушить мой брак, — говорю я твёрдо, хотя внутри все переворачивается. — А теперь, когда у неё не получилось, она пришла сюда и сделала вид, что её изнасиловали. Я не знаю, кто её избил, – ловко вру я, понимая, что эта ложь рассыплется в ближайшие часы, как карточный домик. – Может быть, она сама упала. Но я знаю одно: если она назовёт имя моего мужа – вы поверите ей. А он не виноват.

Шацкий встаёт. Подходит к окну и поворачивается ко мне спиной.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас говоришь? — спрашивает он глухо. — Ты обвиняешь мою дочь во лжи. В подставе. В том, что она сама себя избила?

— Я не знаю, кто её избил, — повторяю я свою ложь. — Но я знаю, что она совратила сегодня моего мужа. Я видела это своими глазами.

Он поворачивается. Смотрит на меня. В его глазах боль, гнев и растерянность.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что вы мой дядя, — говорю я. — Потому что

если вы вызовете полицию и кто-то назовёт имя Арсения – его карьера будет разрушена. Даже если он не виноват.

— А если виноват?

— Он не виноват, — твёрдо говорю я. — Я знаю своего мужа. Он не насильник. Он гинеколог. Он помогает женщинам. Он не способен на такое.

Шацкий молчит. Отворачивается к окну. За ним — февральская темень, мигающий фонарь.

— Знаешь, Вера, — говорит он тихо. — Я всегда знал, что моя дочь – не подарок. Но чтобы она сделала такое…

Он замолкает. Качает головой.

— Я не знаю, что думать. Не знаю, кому верить.

— Поверьте мне, — говорю я жалостливым голосом. — Поверьте Арсению. А свою дочь… спросите сами. Без криков, без угроз. Просто посмотрите ей в глаза и спросите.

Шацкий долго смотрит на меня. Потом кивает.

— Хорошо, — говорит он наконец, поворачиваясь ко мне. — Я разберусь.

А потом делает несколько шагов и открывает еще одну дверь в своем кабинете. За ней – комната отдыха, душевая кабинка и диван.

– Ангелина, дочь моя любимая, выходи и объяснись! Я жду!

9.

– Ангелина, дочь моя любимая, выходи и объяснись! Я жду!

Я замираю.

Сердце ухает куда-то вниз, в пятки, в самый центр земли. Я смотрю на ту дверь, которую открыл Шацкий, и не могу пошевелиться. Рука, которой я держусь за спинку стула, немеет.

Она здесь. Она всё слышала.

Из подсобки доносится шорох. Всхлип. Потом — тихий, жалобный голос:

— Папочка, я не могу… я боюсь…

— Выходи, я сказал! — рявкает Шацкий, но в голосе уже нет той жёсткости. Только усталость и боль.

Дверь открывается медленно, как в замедленной съёмке.

Ангелина выходит. Я смотрю на неё и не узнаю.

Волосы растрёпаны, висят грязными сосульками. Лицо бледное, под глазами чёрные круги. На левой скуле красуется огромный фиолетовый синяк, который расползается под глазом и уходит к уху. Губа разбита – не так, как сегодня, когда я вытолкнула её из дома, а сильнее. Нижняя губа распухла, посередине – глубокая трещина, запёкшаяся кровь.

На шее следы пальцев. Синие отпечатки, как будто кто-то душил её.

Она держится за косяк одной рукой, второй прижимает к груди порванную блузку. Та самая блузка, в которой она была у меня дома — теперь на ней нет пуговиц, ткань разорвана до самого низа, открывая кружевной лифчик. Юбка задрана, чулки порваны, на коленях – ссадины и грязь.

И она плачет.

Не так, как сегодня, когда стояла в моей прихожей с этой своей страшной улыбкой. Сейчас она плачет по-настоящему. Всхлипы рвутся из груди, плечи трясутся, слёзы текут по щекам, размазывая остатки туши и помады.

— Папочка, — шепчет она. — Папа, мне больно… он меня… он меня ударил… я не хотела…

Шацкий бледнеет. Делает шаг к ней.

— Кто, дочка? Кто это сделал? – Он хватает ее за локти и трясет, как куклу. – Скажи мне, блять… кто это сделал?

Ангелина поднимает на меня глаза и я вижу в этом взгляде – ненависть, боль и настоящий страх.

— Я не знаю, — всхлипывает она и поджимает губы. Она отводит глаза, кусает ногти. – Я не помню… то есть, я… видела, что это был мужчина… мы пили с ним вино… а потом… потом темнота… а когда очнулась — он уходил… я только лицо запомнила… что очнулась в машине. А потом уже в спальне.

— Чьё лицо? — голос Шацкого становится тихим и страшным.

Ангелина закрывает лицо руками. Плечи вздрагивают.

— Я не могу, папа… я боюсь…

— Говори! – Рявкает он и Ангелина вздрагивает.

Она убирает руки. Смотрит на меня. Потом с ужасом и страхом на отца.

— Арсений, — шепчет она. — Это был Арсений.

Я не верю своим ушам.

— Что? — переспрашиваю я, и голос мой звучит чужим, далёким.

— Он позвал меня в ординаторскую, — продолжает Ангелина, и слёзы текут по её щекам, а голос дрожит, но глаза – глаза сухие, колючие, злые. Она словно рассказывает историю из своих снов, а не то, что с ней произошло. — Сказал, что хочет поговорить. Я пришла. А он… он налил вина. Сказал, что ты ему надоела, – злой взгляд на меня. Такой, что убивает. – Что ты бесплодная пустышка. Что он хочет ребёнка. А я… я могу родить.

— Замолчи, — шепчу я.

— Он сам меня поцеловал, — не слушает она. — Сам раздел. А когда я отказалась — он ударил меня по лицу. А потом…

Она замолкает. Всхлипывает.

— Потом он меня изнасиловал. Я кричала, но никто не пришёл. А потом я потеряла сознание. А когда очнулась – увидела тебя, стоящей в спальне. А потом… потом ты меня спустила с лестницы.

Я смотрю на неё. На её разбитое лицо. На синяки, которые

я не видела сегодня днём. На следы от пальцев на шее — их точно не было, когда она стояла на моём пороге.

Какой-то страшный сон, я ничего не понимаю. Откуда это все?

— Этого не может быть, — шепчу я и мотаю головой.

— Вера, — Шацкий поворачивается ко мне. — Ты спустила мою дочь с лестницы?

– Она была в постели с моим мужем, – оправдываюсь я. – В нашем доме. Она забралась к нему в постель.

– И твой муж ее там изнасиловал, а потом отключился. Так?

— Это ложь, — говорю я. — Она лжёт. Арсений не мог…

— Он мог! — вдруг кричит Ангелина, и в этом крике вся истерика, боль, злость. — Он всё это время хотел меня! Он мне говорил! Говорил, что я красивее, что я лучше, что я…

— Замолчи! — кричу я.

— Хватит! — рявкает Шацкий.

Мы замолкаем. Одновременно.

Он смотрит на дочь, потом на меня.

— Мы разберёмся, — говорит он. — По закону. Вера, ты поедешь домой. Ангелина, ты идёшь к гинекологу. Немедленно.

— Папа, я не хочу…

— Я сказал — идёшь! — он хватает её за руку, тащит к двери. — Осмотр. Анализы. Всё по протоколу.

Я стою, прислонившись к стене. Ноги держат. Внутри все

переворачивается и меня подташнивает. Мир плывёт, я сгибаюсь пополам и меня выворачивает прямо на пол. Я шумно дышу, стону сквозь слезы и держусь за живот.

Лучше бы я умерла. Лучше бы я умерла, – единственная мысль, которая сейчас бьются словно птица в клетке.

Ангелина выходит в коридор. Шацкий ведёт её за руку. Я слышу её всхлипы и его тяжёлые шаги.

Я остаюсь одна, но потом поднимаюсь и бегу. Я бегу за ними. Мне нужно знать. Мне нужно видеть.

В гинекологическом отделении Ангелина сидит в кресле за ширмой, ноги слегка раздвинуты. Я стою неподалеку, оставаясь незамеченной.

Мария Афанасьевна, наш дежурный врач акушер-гинеколог, осматривает ее.

— Ссадины на внутренней поверхности бёдер, — говорит она ровным, безжизненным голосом. — Разрывы слизистой. Видны четкие следы спермы. Мазки взяты, отправлю на ДНК-анализ.

Я хватаюсь за стену.

— Вызывайте полицию, — говорит пожилая женщина-врач. — И фиксируйте всё.

Шацкий стоит рядом. Бледный, как смерть. Смотрит на дочь, которая плачет навзрыд, закрыв лицо руками.

— Арсений, — шепчет он. — Сынок… зачем?

Я выхожу в коридор. Прислоняюсь к стене и сползаю по ней на пол.

— Этого не может быть, — шепчу я. — Этого не может быть.

Я смотрю на свои руки. На них — ещё не высохшая кровь Арсения. Кровь мужа, которого я привезла в эту больницу. Которого защищала. Которому верила.

— Арсений, — шепчу я и закрываю лицо руками. Плачу так, как не плакала никогда. — Что же ты наделал? Что же ты…

ХОРОШИЕ МОИ, еще одна новинка нашего Литмоба! Встречайте!

Развод. Рожу - не скажу!

https://litnet.com/shrt/k1ei

Слава
БОГАТЫХ

— У нас с твоим мужем будет ребёнок, — зло улыбается сестра с моей подушки.

Муж прячет глаза.

Запираюсь в ванной. В дрожащих руках тест. Две полоски.

Два года я ждала этого чуда, но оно пришло в самую грязную ночь моей жизни.

У них будет ребенок? Пусть. О моем он не узнает никогда. Рожу - не скажу.

10.

Гинеколог Мария Афанасьевна снимает перчатки. Бросает их в контейнер для биологических отходов. Поворачивается к Шацкому.

— Вызывайте полицию, Петр Александрович. И фиксируйте всё.

Эти слова падают в тишину, как камни в воду. Круги расходятся во все стороны.

Шацкий стоит у стены. Лицо серое, руки трясутся. Он смотрит на дочь, которая сидит в кресле, прикрывшись простынёй, и плачет — громко, навзрыд, с подвываниями.

— Папочка, — всхлипывает она. — Папочка, я не хочу полицию. Не хочу, чтобы все знали…

— Поздно, — глухо говорит Шацкий. — Поздно, дочка. Если есть следы — надо фиксировать. Иначе адвокаты Львова… — он замолкает, потому что не может выговорить имя.

Я всё ещё стою за ширмой прислонившись к стене. Ноги не держат, но я не падаю. Только чудом.

Арсений.

Мой муж.

Насильник.

Эти слова никак не соединяются в моей голове.

Я закрываю глаза. Перед глазами — его лицо, когда он лежал на кухне в луже крови. Его губы, шепчущие: «Я не

хотел её целовать, Вера. Я не хотел».

А может, хотел?

Может, всё это время я жила с чужаком?

— Вера Павловна? — голос Марии Афанасьевны вырывает меня из оцепенения.

Я открываю глаза.

Она стоит передо мной. В белом халате, с уставшим лицом женщины, которая видела слишком много за свою карьеру.

— Вам плохо? — спрашивает она. — Вы очень бледная.

— Я в порядке, — говорю я, хотя это ложь. Я не в порядке. Я никогда больше не буду в порядке.

— Вас осмотреть?

— Нет. Не надо.

Я отталкиваюсь от стены. Ноги не слушаются. Шаг. Ещё шаг.

— Вера, — окликает меня Шацкий из кабинета. — Зайди.

Я заставляю себя вернуться.

Шацкий стоит посреди кабинета. Ангелина ушла за ширму, одевается. Слышен шорох ткани и тихие всхлипы.

— Садись, — говорит Шацкий, указывая на стул.

Я не могу. Стою, держась за стенку и пальцами корябаю стену.

— Я вызвал полицию, — говорит он, глядя мне прямо в глаза. — Через десять минут будут здесь. Арсений в четвёртой палате?

— Да.

— Ты будешь давать показания?

Я молчу.

— Вера, я тебя спрашиваю. Ты видела, что произошло в спальне. Ты выгнала Ангелину. Ты видела, в каком состоянии был Арсений. Ты будешь говорить правду?

— Какую правду? — мой голос звучит чужим, далёким. — Я не знаю, что такое правда в этой истории.

Шацкий сжимает челюсть.

— Ты видела, что она лежала в постели с твоим мужем.

— Видела.

— Этого достаточно.

— Недостаточно, чтобы обвинить его в изнасиловании, — говорю я тихо. — Я не видела, что было до. Я не знаю, по своей воле она разделась или нет. Я не знаю, было ли там насилие.

Шацкий бледнеет.

— Ты защищаешь его?

— Я защищаю правду, — говорю я. — Какой бы она ни была.

Из-за ширмы выходит Ангелина. Уже одетая в больничную рубашку, слишком большую для неё. Лицо бледное, синяк под глазом расплылся, стал фиолетовым с красным отливом. Губа разбита. На шее – следы пальцев.

Она смотрит на меня. В её глазах чистая как спирт ненависть.

— Ты всё равно его не спасёшь, — говорит она тихо. —

Он ответит за то, что сделал.

Я делаю шаг к ней.

— А если он ничего не делал?

Она усмехается. Кривит разбитые губы.

— Спроси у него. Может, вспомнит.

— Ангелина, — Шацкий повышает голос. — Замолчи.

— А что? — она поворачивается к отцу. — Ты тоже не веришь мне? Думаешь, я сама себе синяки наставила? Сама себя ударила? Сама себя… — её голос ломается. — Папа, мне больно. Физически больно. Ты понимаешь? А ты говоришь, что я вру.

Шацкий закрывает лицо руками.

— Я не знаю, что думать, — говорит он глухо. — Я просто не знаю.

В коридоре раздаются шаги. Тяжёлые, уверенные. Я узнаю их – Серёжа, дежурный фельдшер.

— Петр Александрович, — он заглядывает в кабинет. — Там полиция приехала. Сказали, вы вызывали.

Шацкий поднимает голову.

— Да, вызывал. Проводи их сюда.

Серёжа кивает и исчезает.

Я стою посреди кабинета и чувствую, как время ускоряется. Сейчас войдут полицейские. Начнутся вопросы, протоколы, осмотры. И возможно арест.

— Я пойду к мужу, — говорю я.

— Вера, — Шацкий хватает меня за руку. — Не делай

глупостей. Не пытайся его предупредить или уговорить уйти. Это только ухудшит ситуацию.

— Я не собираюсь его предупреждать, — выдёргиваю руку и скалюсь, как волчица, цежу сквозь зубы. — Я просто хочу быть рядом с ним. Пока ещё могу.

Я выхожу в коридор.

Не бегу. Иду медленно, каждый шаг, как через болото. Четвёртая палата в конце коридора. Дверь закрыта.

Я открываю её.

Арсений лежит на кушетке. Глаза закрыты, но он не спит — я вижу, как напряжены его плечи, как сжаты кулаки. Повязка на лбу немного пропиталась кровью. Лицо бледное, под глазами круги.

— Вера? — он открывает глаза. Смотрит на меня. В них — боль, отчаяние и… надежда. — Что случилось?

— Приехала полиция, — говорю я. Сажусь на край кушетки. Беру его за руку. Пальцы холодные, но он сжимает мои. — Ангелина заявила, что ты её изнасиловал. Сейчас будут брать показания.

Он закрывает глаза. Дышит глубоко, как перед прыжком в воду.

— Я не делал этого, Вера, — шепчет он. — Клянусь тебе всем, что у меня есть. Всеми годами, которые мы прожили. Я не делал этого.

— Я знаю, — говорю я тихо.

Он открывает глаза. Смотрит на меня с недоверием.

— Знаешь?

— Я не знаю, что ты делал той ночью, — поправляюсь я. — Но я знаю тебя пять лет. Ты не способен на насилие. Ты гинеколог, чёрт возьми. Ты помогаешь женщинам рожать. Ты не можешь…

Голос ломается.

Арсений притягивает меня к себе. Обнимает. Я утыкаюсь лицом ему в плечо и чувствую, как он пахнет больницей, кровью, вонючим перегаром. И всё равно — родным.

— Всё будет хорошо, — шепчет он. — Я справлюсь.

— Я знаю, — бормочу я. — Ты всегда справлялся.

Дверь открывается.

Входят двое – мужчина и женщина. В гражданском, но по выправке полицейские. За ними Шацкий.

— Арсений Петрович Львов? — спрашивает мужчина.

— Да, — Арсений отпускает меня, садится ровно.

— Вы обвиняетесь в изнасиловании гражданки Ангелины Павловны Шацкой. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вам понятны ваши права?

— Понятны, — голос Арсения спокоен. Слишком спокоен, что мне становится не по себе.

— Вы готовы дать показания?

Он смотрит на меня и только после этого отвечает.

— Я буду говорить только в присутствии своего адвоката.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!
Бывший-хирург. Ты спасешь нашу дочь
https://litnet.com/shrt/WqlF

— Я проведу операцию. Но для начала, скажи мне, Ника, — холодно говорит мой бывший муж, не сводя глаз с моей дочери. — Сколько ей лет?

В этот момент у меня внутри все обрывается: он понял.

Пять лет назад я застала мужа, блестящего кардиохирурга Артёма Власова, с дочерью главврача.

В тот же вечер он выбрал карьеру, статус и новую женщину рядом.

Я ушла молча. Он так и не узнал, что я беременна.

Теперь нашей дочери нужна срочная операция на сердце.

И сделать её может только один человек в стране — мой бывший муж.

Он спасёт Соню.

Но когда узнает правду, начнётся война, в которой на кону будет не только сердце моей дочери, но и мое право быть её матерью.

11.

Адвокат приехал через час.

Контакт этого святого человека, по словам фельдшера Сережи, мне как раз дал сам Сережа. Но уточнил один момент – адвокат суровый и дорого берет. Я была согласна на все, лишь бы моего мужа не посадили.

Я сидела в коридоре на скамейке, сжимая в руках чашку с остывшим чаем, и смотрела на дверь, за которой остался Арсений.

— Вера Павловна? — голос заставил меня поднять голову.

Передо мной стоял мужчина в дорогом костюме, с кожаным портфелем. Лет пятидесяти, с острым взглядом и аккуратной бородкой.

— Денис Сергеевич Горелов, — представился он. — Мы с вами разговаривали по телефону час назад. Помните? По поводу вашего мужа.

— Здравствуйте, — сказала я, вставая. — Вы сможете ему помочь?

— Сначала нужно понять, что именно ему инкриминируют, — ответил он. — Пойду к нему. Вы пока подождите здесь.

Он скрылся за дверью и я снова села на скамью.

Время тянулось медленно. Каждая минута казалась ча-

сом. Я смотрела на часы, на стену, на свои руки, которые всё ещё дрожали.

Через полчаса дверь открылась.

Денис Сергеевич вышел. Лицо было серьёзным, даже хмурым. Дрожь побежала по спине и мне стало нехорошо.

— Вера Павловна, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Я кивнула и поднялась. Мы отошли в конец коридора, где никто не мог нас слышать.

— Ваш муж ничего не помнит, — начал адвокат. — Это плохо. Судьи не любят когда обвиняемые «ничего не помнят». Но мы будем строить защиту на версии, что его подставили.

— Я знаю, что его подставили, — сказала я.

— У вас есть доказательства?

Я замялась.

— Только то, что я видела. И то, что я знаю своего мужа пять лет. Он не мог…

– Дорогая Вера Павловна, если бы вы знали на что способен человеческий мозг и воображение, вы бы не стали такое говорить. Люди десятилетиями живут друг с другом и не знают о том, что творится за их темной стороной души.

— Я все равно ему верю, – не унималась я.

— Одной слепой веры слишком мало, — покачал головой адвокат. — Нужны веские доказательства. Результаты ДНК-экспертизы, например. Но их ещё ждать несколько дней.

— А что будет с ним до этого?

Адвокат помолчал.

— Следователь ходатайствует об аресте. Есть заявление потерпевшей, есть медицинские подтверждения — ссадины, следы спермы. Это серьёзно.

— Его посадят в тюрьму? — мой голос дрогнул.

— До суда он будет находиться в СИЗО. Следователь будет доказывать, что он может скрыться или повлиять на свидетелей, поэтому скорее всего, да.

— Он не скроется, — сказала я. — Он не виноват.

— Я знаю. Но следователь будет исходить из улик.

Я закрыла глаза.

— Что нужно сделать, чтобы его отпустили?

— Адвокат. Хороший. Дорогой. Я готов взяться за это дело, но предупреждаю сразу — стоить это будет дорого. От ста тысяч рублей. И это только начало.

Я открыла глаза.

— Сколько-сколько? — переспросила я.

— Сто пятьдесят тысяч на первое время. Дальше – посмотрим по обстоятельствам.

У меня перехватило дыхание.

Я фельдшер скорой помощи. Моя зарплата — сорок тысяч в месяц. У Арсения — раза в три побольше, но мы копили на ЭКО, на детей. Сто пятьдесят тысяч — это почти всё, что у нас есть. Хотя, есть кое-какие сбережения, а еще машина… дом наконец… в ипотеке.

— Я согласна, — сказала я. — Деньги найдем.

— Вера Павловна, вы уверены? — адвокат внимательно посмотрел на меня. — Это не гарантия успеха. Это только первый взнос.

— Я уверена, — твёрдо сказала я. — Он мой муж. Я не брошу его.

Денис Сергеевич кивнул.

— Хорошо. Я подготовлю документы. А пока — мне нужно пойти к следователю, обжаловать арест.

Он ушёл и я снова осталась одна.

Арсения увели через два часа.

Я стояла в коридоре и смотрела, как двое полицейских ведут его под руки. В наручниках. Я впервые видела его в наручниках. Внутри меня все задрожало, сердце казалось сжали в тиски, так стало больно от увиденного.

Муж шёл ровно, не шатаясь, хотя я знала, как кружится его голова после удара. Он не показывал слабость и продолжал идти с поднятой головой.

Перед тем как свернуть за угол, он обернулся. Посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он. – За адвоката.

И исчез за поворотом.

Я сидела на скамейке и смотрела на пустой коридор.

Внутри была тишина. Такая, какая бывает после взрыва. Когда уши заложило и мир стал ватным.

— Вер, — голос фельдшера Серёжи вырвал меня из ступора. — Тебе плохо? Воды принести?

— Нет, — сказала я. — Всё нормально.

— Может, домой поедешь?

— Думаю да.

Я встала. Ноги слушались плохо, но я держалась. Я должна была держаться.

Вышла на улицу. Февральское утро было серым и холодным. Снег таял, с крыш капало. Я села в машину, завела двигатель и поехала.

К единственному родному человеку, что у меня остался – к Маше Красавиной.

(историю о Маше Красавиной и Медведеве можно прочитать здесь ->>https://litnet.com/shrt/t1-a)

Она стала моей подругой, когда спасла мне жизнь. Вытащила из перевернутой скорой, когда я потеряла своего единственного нерожденного ребенка. Я была ей и Арсению бесконечно благодарна, и каждая наша встреча приносила мне радость. Виделись мы редко, но даже расстояние не могло ослабить нашу связь.

Маша работала в «Клинике семейного здоровья» на окраине города.

Именно туда я и приехала через двадцать минут. Оставила машину на парковке, вошла в холл.

— Вера Львова? — администратор узнала меня. — Вы к Марии Сергеевне?

— Да, она здесь?

— У неё сейчас перерыв. Проходите.

Я поднялась на второй этаж, постучала в дверь кабинета.

— Войдите, — раздался знакомый голос.

Маша сидела за столом, заполняла какие-то бумаги. Увидев меня, она удивилась.

— Вера? Ты чего? Что случилось?

Она встала. Подошла ко мне. Взяла за руки.

— Ты бледная как смерть, — сказала она. — Рассказывай.

И я рассказала.

Всё. С самого начала.

Про отрицательный тест на беременность. Про Ангелину в моей постели. Про Арсения, который ничего не помнил. Про синяки на теле Ангелины, которых не было днём. Про следы спермы. Про полицию. Про арест. Про адвоката, который взял сто пятьдесят тысяч.

Маша слушала молча.

Когда я закончила, она обняла меня.

— Держись, — сказала она. — Ты сильная. Ты справишься.

— Я не знаю, что делать, Маш, — прошептала я. — Я не знаю, как жить дальше.

— Для начала выдохнуть и не паниковать, — твёрдо сказала Маша. — Арсений сильный. Он выдержит. А ты будешь рядом.

— Его посадили в СИЗО, — сказала я. — Я не могу быть

рядом.

— Можешь. Передачки. Письма. Адвокат. Это тоже рядом.

Я кивнула.

— Маш, — спросила я. — Как ты думаешь, он виноват?

Маша посмотрела на меня. Долго. Внимательно.

— Я знаю Арсения, — сказала она и улыбнулась. — Ты же знаешь, что мы встречались с ним один месяц, пока я не узнала, что я у него не единственная. А потом он встретил тебя и ты стала для него той самой единственной. Он хороший человек и классный врач. И я не верю, что он способен на насилие.

— Я тоже не верю, — сказала я. — Но улики против него.

— Улики можно подделать, — жёстко сказала Маша. — Ты же сама говоришь, он был без сознания. Его могли раздеть. Могли извлечь сперму и нанести на тело Ангелины.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы подставить и уничтожить. У вас с мужем есть враги?

— Я не знаю, – отрицательно покачала головой и задумалась. – Ангелина? Она давно хотела уложить Арсения к себе в койку. Он её оттолкнул.

— Значит, будем думать, — сказала Маша. — Что с ДНК? Мазки взяли?

— Да. Результаты будут через несколько дней.

— Если ДНК не совпадёт с Арсением, дело закроют.

— А если совпадёт? – задала вопрос, который мучил меня последние сутки.

— Не думай раньше времени о плохом. Пожалуйста – не надо.

Я кивнула и откинулась на спинку кресла. Внутри меня росло странное, тревожное чувство, будто кто-то ковырял незаживающую рану. Я не могла сосредоточиться ни на чем другом, потому что эта мысль не давала покоя.

А что, если Арсений действительно замешан в этом? Что, если мой муж сам устроил весь этот спектакль и это он или его люди изнасиловали мою кузину?

Хорошие мои, если вам нравится эта история и вы хотите поддержать автора, то поставьте ей звездочку! А еще можно добавить книгу в библиотеку! Вот здесь

Милана ЛОТОС
Алёна СКИФ

или здесь

и не забудьте подписаться на автора Милану Лотос
https://litnet.com/shrt/Z_E_

12.

Я выезжаю с парковки клиники и всю дорогу думаю об одном.

А что, если Арсений виноват?

Эта мысль въелась под кожу, сверлит мозг, не даёт дышать. Я пытаюсь отогнать её, но она возвращается снова и снова.

Он был без сознания. Он ничего не помнит. Но следы спермы на ногах и гениталиях Ангелины о чем-то говорят. Царапины на спине – откуда они? Как он оказался в нашем доме, если начинал пить с Ангелиной в ординаторской больницы?

Я сжимаю руль так, что костяшки белеют.

— Не думай, — шепчу я себе. — Не думай сейчас. Дождись результатов ДНК.

Но голова не слушается.

Перед глазами — Ангелина в кресле гинеколога. Синяки на шее. Следы пальцев. Разбитая губа. Она выглядела как жертва. Настоящая жертва. Мне даже на мгновение стало жаль ее.

А Арсений…

Я не знаю. Я просто не знаю.

Дорога до дома занимает тридцать минут.

Подъезжая к знакомой улице, я сразу замечаю — возле крыльца стоит полицейская машина. Неприметный синий «Шевроле» с проблесковыми маячками на крыше, заглушенными, но ещё не остывшими. Рядом — ещё одна, гражданская.

Сердце пропускает удар.

Я паркуюсь у обочины, выхожу из машины, захлопываю дверь. Иду к крыльцу, и уже на пороге слышу голоса — из дома, из спальни.

— Вера Павловна? — окликает меня участковый, которого я знаю в лицо. Это Павел Макаров. Он стоит в прихожей, в бахилах, с кожаной папкой в руках. — Мы пытались дозвониться. У нас постановление на обыск.

— Что? — переспрашиваю я. Голова плохо варит из-за ужасной ночи и такого же кошмарного утра. Захожу в дом и осматриваюсь. — Какое постановление?

— По делу об изнасиловании. Ваш муж…

— Я знаю, кто мой муж, — перебиваю я. — И знаю, в чём его обвиняют. Но зачем обыск?

— Изымаем вещественные доказательства. Простыни, одежду, предметы, на которых могли остаться следы.

Я поднимаю глаза и через пролеты лестницы заглядываю в спальню.

Там двое в бахилах и перчатках. Один фотографирует, второй упаковывает простыни в прозрачные пакеты. Бутылка из-под вина уже в отдельном пакете. Одежда — та, что

валялась на лестнице — тоже.

— Вы не имеете права, — говорю я, но голос звучит неуверенно.

— Имеем, — раздаётся за спиной низкий, грубый голос.

Я оборачиваюсь.

В дверях стоит мужчина. Высокий, под метр девяносто. Широкие плечи, короткая стрижка, квадратная челюсть. В полицейской форме — прикид сидит на нём как влитой. Фуражку держит в руке, на поясе — кобура с пистолетом. Глаза — тёмные, колючие, смотрят в самую душу.

— Старший следователь Давид Романович Громов, — представляется он, даже не протягивая руки. — Следственный комитет. У нас есть все основания полагать, что в этом доме находятся улики, подтверждающие вину вашего мужа.

— Моего мужа ещё не признали виновным, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Это вопрос времени, — усмехается он и сощурившись смотрит мне в глаза.

Меня передёргивает от его усмешки.

— Вы уже всё решили? — спрашиваю я. — Без суда и следствия?

— Я видел много таких случаев, — он проходит в спальню и оглядывается. — Когда кого-то насилуют, это всегда одинаково. Человек, которого изнасиловали, плачет, а насильник пытается всё отрицать. Потом выясняется, что у насиль-

ника проблемы с психикой, женой или алкоголем. У вашего мужа кажется, что всё это есть.

— У моего мужа нет проблем с головой, — оправдываюсь я. — Он акушер-гинеколог. Он принимает роды. Он…

— И это его не оправдывает, — жёстко отрезает Громов. — Я знал одного детского хирурга. Спасал детей, а дома ежедневно насиловал падчерицу. Два года никто не верил, пока девчонка не повесилась.

Я бледнею.

— Мой муж не такой.

— Все так говорят, — он поворачивается ко мне. — Знаете, сколько жён приходят в участок и клянутся, что их мужья — ангелы? А потом оказывается, что они сидели за изнасилование, за разврат, за педофилию.

Он подходит ближе. Я чувствую его запах — табак, кожа, что-то мужское, тяжёлое. Форменная рубашка натянута на широких плечах, китель расстёгнут. От одного его вида бегут мурашки.

— Я не хочу вас пугать, Вера Павловна, — говорит он, и в голосе появляется что-то угрожающее. — Но я хочу, чтобы вы смотрели правде в глаза. Против вашего мужа достаточно улик: готовящееся ДНК спермы, царапины на спине, следы удушья на шее, показания потерпевшей. Если вы что-то знаете — говорите сейчас. Иначе потом будет поздно.

— Я ничего не знаю, — говорю я. — Кроме того, что мой муж был без сознания. Я его не могла разбудить. А когда

очнулся, он ничего не помнил.

— Удобно, — усмехается Громов.

— Но это правда! – восклицаю я и, кажется, сама себе не верю.

— Правда — это то, что докажешь в суде, — отрезает он. — А пока ваш муж находится в СИЗО, я буду работать.

Он отворачивается, идёт к выходу из спальни. Я смотрю ему вслед. Форма сидит на нём безупречно, но носит он её с какой-то бандитской небрежностью — рукава закатаны до локтей, верхняя пуговица расстёгнута.

— У вас есть дети, жена? — вдруг неожиданно спрашиваю я.

Громов замирает. Поворачивается ко мне. Смотрит долго, тяжело.

— А какое это имеет отношение к делу?

— Никакого, — говорю я. — Просто… вы так яростно хотите посадить моего мужа. Так уверены в его вине. У вас есть личная причина?

Он молчит. Сжимает челюсть. Желваки ходят ходуном.

— Я работаю в Следственном комитете двенадцать лет, — говорит он наконец. — За это время через мои руки прошли десятки дел об изнасилованиях. Я видел жертв. Я видел насильников. Я видел, как рушатся семьи, как ломаются судьбы. И я знаю, когда человек врёт, а когда говорит правду.

— Мой муж врёт? — испуганно спрашиваю я.

— Да! Врёт, — жёстко отвечает Громов. — Или не пом-

нит. Что, впрочем, одно и то же.

— Но вы не ответили, — не отступаю я. — У вас есть дети?

Он смотрит на меня.

В его глазах что-то меняется. Потом он достаёт из нагрудного кармана форменной рубашки маленькое потрёпанное фото. Протягивает мне.

— Это моя дочь, — говорит он. — Ей шесть лет. Её зовут Алиса.

Я беру фото. Девочка с большими глазами, в розовом платье, улыбается в объектив. Обычный ребёнок. Счастливый.

— Красивая, — говорю я.

— Каждый день, когда она выходит из дома, я боюсь, — говорит Громов, и в голосе появляется что-то человеческое, живое. — Боюсь, что кто-то посмотрит на неё так же, как ваш муж посмотрел на Ангелину. Боюсь, что её кто-то тронет. Что она будет кричать, а никто не услышит.

Он забирает фото. Прячет обратно в карман.

— Поэтому, Вера Павловна, — говорит он, и голос снова становится жёстким, — я буду добиваться максимального срока. Даже если вы найдёте сто адвокатов. Даже если весь город встанет на защиту вашего мужа. Потому что таких, как он, нужно изолировать от общества. Навсегда.

Хорошие мои, сегодня на одну из моих самых любимых книг, скидка! Давно такого не было. Поэтому, я советую

всем приобрести эту историю по занеженной цене.

Шерхан. Его любимая девочка
https://litnet.com/shrt/vdjF

– Простите, кажется я ошиблась дверью. Точнее домом. - Нервно хихикаю и поворачиваюсь к бугаю спиной.

Слышу, как он подходит ко мне. Замираю и не дышу. Держусь за ручку, а она словно сломалась. Дверь не открывается. Дергаю ее, но ничего не получается.

– Ты что скромница? Или новенькая? Может быть стесняешься меня? Так у меня есть алкоголь на такие случаи.

– Нет вы не поняли. Я не та… - Поворачиваюсь к бородачу и смотрю на его волосатую грудь. Он играет грудными мышцами и не сводит с меня глаз.

Не знаю, что делать?

А ещё это полотенце на бёдрах, еле держится, того гляди упадёт.

13.

Следователи уходят через час.

Я стою в прихожей, прислонившись плечом к стене, и с отчаянием смотрю, как они выносят последние пакеты с уликами. Простыни, на которых мы спали пять лет. Бутылка, которую принесла Ангелина. И еще несколько темных, в которых ничего не разглядеть.

Громов уходит последним. На пороге он нехотя оборачивается и смотрит на меня исподлобья. Поправляет кобуру на поясе и тихо ухмыляется.

— Если вспомните что-то важное, — говорит он глухо и протягивает мне черную, чуть потрепанную визитку, – все что угодно. Позвоните.

Я киваю и забираю черную картонку с золотыми тиснеными буквами, наши пальцы слегка соприкасаются, и я резко отстраняюсь. Мне неловко и как-то не по себе. Кусаю губы от волнения и бросаю взгляд на надпись.

Громов Давид Романович

Начальник отдела. Полковник полиции.

Адрес и телефон.

После этого он выходит. Дверь тяжело захлопывается и я остаюсь одна.

В доме — настоящий бардак. Шкафы открыты, ящики выдвинуты, вещи разбросаны. Полицейские искали не улики —

они перерыли всё. Мои трусы, его носки, наши документы, фотографии. Всё перемешано. Всё перевёрнуто вверх дном.

Я прохожу в гостиную, падаю в кресло. Руки безвольно свисают вдоль тела, голова запрокинута назад. Я смотрю в потолок, в одну точку, не моргая.

Голова пустая. Внутри, кажется, вата. Я даже не плачу. Слёзы кончились ещё ночью.

— Господи, — шепчу я, и голос срывается на последнем слоге. — За что?

Тишина. Никто не отвечает.

Я закрываю глаза и кажется, засыпаю.

Но поспать толком не удается, потому что в дверь громко и надрывно стучат.

Я не шевелюсь.

Стук повторяется. Настойчивее и громче.

— Вер, ты дома? — голос за дверью. Знакомый. Соседка, Анюта.

Я заставляю себя встать. Ноги не слушаются, но я иду. Шаг, ещё шаг. Моя рука ложится на холодную дверную ручку и я открываю.

На пороге стоит соседка, в пуховике и валенках. В руках — миска, накрытая полотенцем. Щёки раскраснелись от мороза, глаза блестят. Пар изо рта валит — видно, бежала.

— Я смотрю, менты приезжали, — говорит она без лишних предисловий. Оглядывает меня с ног до головы, качает головой. — Весь двор видел. Соседи уже языками чешут.

Слышь, ты чего такая бледная?

– Заходи, Ань, холодно, – вздрагиваю я и осматриваю улицу. Ощущение, что вся улица сейчас смотрит на меня из своих окон и шепчется. Сидят там и кости мне перемывают, изверги.

Соседка проходит в прихожую, скидывает валенки не глядя. Осматривается. Руки в боки.

— Ну и бардак, — вздыхает. — Менты, они такие. Не люди, звери. Всё перевернут, ничего на место не положат.

— Анюта, ты чего? Просто так пришла или по делу?

— Пирожки, вот, принесла, — она поднимает миску, откидывает край полотенца — запах капусты разносится по прихожей. — С капустой и яйцом. Сама пекла. Ты ж небось и не ела ничего?

— Ела, — вру я и отвожу глаза.

— Врёшь, — она проходит на кухню, ставит миску на стол. Звонко хлопает ею о столешницу. — Садись. Я сейчас чайник поставлю. И прибраться надо, пока ты тут в обморок не хлопнулась.

— Анюта, не надо…

— Надо, надо, — отмахивается она. — Сиди. Я быстро. Одна рука здесь, другая там.

Она начинает прибираться. Складывает вещи в стопки, закрывает ящики, поправляет шторы. Делает всё быстро, умело, по-хозяйски.

– Вот откуда у тебя столько энергии, а? – Я сижу на стуле,

обхватив себя руками, и смотрю на неё. – Я вот выжатая как лимон. Хоть ложись и помирай.

– Нет, помирать нам пока рановато, – произносит спокойно и откусывают кусок пирога. Он еще горячий, это заметно по пару, поднимающемуся от него. На пол падает мелко нарубленная капуста с яйцом, и Аня ухмыляется. Она смотрит на пол и видит запекшуюся кровь. Хмыкает, качает головой, но ничего не произносит.

— Анюта, — говорю я и провожу ладонью по лицу, как будто пытаюсь стереть с него всё, что было. — Ты вчера вечером дома была?

— А то, — она не оборачивается. Поправляет вазу на подоконнике. — А что?

— Никого не видела у нашего дома?

Анюта замирает. Её плечи напрягаются. Она медленно поворачивается ко мне — руки опущены, в пальцах тряпка.

— А что, надо было видеть? — спрашивает она, и голос становится осторожным. Глаза щурятся.

— Просто спросила, — говорю я и поджимаю губы.

Она молчит. Потом снова начинает складывать вещи. Но движения уже не такие быстрые — обдуманные, взвешенные.

— Видела кое-что, — говорит она нехотя. — Вечером. Поздно уже было. Машина подъехала к вашему дому. Тёмная такая, иномарка кажись. Долго стояла у ворот, а потом уехала. Я подаюсь вперёд.

— Номера не видела?

— Не разобрала. Темно было, — Анюта качает головой и отворачивается к окну. — Тёмная. Большая. Джип, наверное. И потом, я же не специально смотрела. Просто выглянула в окно, собака лаяла.

Я смотрю на неё и понимаю: она что-то скрывает. Это чувствуется по её взгляду, избегающему моего, и по тому, как её пальцы нервно теребят тряпку.

— Анюта, — говорю я и встаю. Медленно подхожу к ней. — Если ты что-то знаешь…

— Ничего я не знаю, — перебивает она, отступает на шаг. — Знаю, что ты хорошая баба и мужик у тебя хороший. И вот честно, положа руку на сердце, не верю я, что он на такое способен. А всё остальное – не моё дело.

Она заканчивает прибираться. Садится напротив меня, наливает чай. Кружка звякает о блюдце.

— Пей, — говорит. — И пирожок съешь. Вкусный.

Я беру пирожок. Надламываю и вдыхаю ароматный запах жареной капусты, смешанной с яйцом. Живот нещадно урчит и без промедления вгрызаюсь в сочную начинку и парную мякоть теста. Зажмуриваюсь от удовольствия и бурчу.

— Ммм… ничего вкуснее не ела. Спасибо, Анют, — говорю я и с обожанием смотрю на соседку.

— Не за что, — она вздыхает, откидывается на спинку стула. — Соседи должны помогать. А то разбежались все, никто не подойдёт.

Она сидит ещё немного, пьёт чай маленькими глотками, смотрит на меня поверх кружки.

— Ты держись, — говорит она наконец, ставит кружку и встаёт. — Всё наладится. Правда на твоей стороне.

— Анюта, — я беру её за руку и сжимаю. Пальцы теплые, но она не отнимает. — Спасибо тебе, правда.

— Ладно, ладно, — она мягко освобождает ладонь. — Мне пора. Стирка там стоит, муж скоро с работы придёт.

Я провожаю её до двери.

— Анюта, — говорю я уже на пороге, опираясь плечом о косяк. — Если вспомнишь что-то про ту машину…

— Вспомню — скажу, — кивает она быстро натягивает валенки. — Ты главное не сдавайся.

Дверь закрывается.

Я облокачиваюсь о стену и закрываю глаза.

Потом плетусь в гостиную. Сажусь в кресло, смотрю на пустую стену.

Беру телефон и нахожу контакт Кости-травматолога.

Набираю.

Гудки. Долгие. Нажимаю громкую связь, кладу телефон на колено.

Наконец — ответ.

— Кость, привет. Это Вера.

— Львова ты что ли? — голос сонный, но встревоженный. Я слышу, как он кряхтит, наверное, садится на кушетку. У него наверно дежурство еще не закончилось. - Случи-

лось что?

— Кость, ты забыл про токсикологию? — я провожу рукой по лицу. — Я просила тебя взять кровь у Арсения.

— А-а-а, — он мнётся. — Вера, я же говорил, минимум три дня. Давка сейчас. Ничего не могу сделать.

— Ты не говорил, Кость, — я качаю головой, хотя он не видит.

— Разве? — он замолкает. — Мать, а ты что не знаешь, сколько делаются анализы? Вроде не первый год замужем.

— Кость, — я закусываю губу, голос дрожит. Сжимаю телефон так, что костяшки белеют. — Мне очень нужно. От этого зависит, посадят Арсения или нет.

— Вера, — он вздыхает. Я слышу, как он зажигает зажигалку, щелчок, потом затяжка. — Понимаю. Но даже если я найду снотворное — это не докажет его невиновность. Адвокат тебе то же самое скажет. Судья скажет: сам выпил, сам накачался, сам напал.

— Мне нужно знать правду, Кость, — я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. — Хотя бы это.

Он молчит. В трубке — только его шумное дыхание.

— Ладно, — говорит наконец. — Позвоню в лабораторию. Попрошу побыстрее. Но не обещаю.

— Спасибо, Кость, — я открываю глаза.

— Не за что, — он кладёт трубку.

Я смотрю на телефон. Потом на тарелку с пирожками.

Кладу телефон на стол и обхватываю себя руками.

— Держись, Вера, — шепчу я себе. – Держись, моя хорошая.

Дорогие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба! Ловите!

Измена. Аллергия на ложь
https://litnet.com/shrt/NIt7

Тара
РЕЙ

— Значит так, дорогуша! Дашь Захарчику развод и на имущество претендовать не станешь! — заявила эта наглая тётка, усаживаясь напротив меня.

Я уставилась на нее как на умалишенную.

— А вы собственно кто?

— Я его теща будущая. Захар с моей Лианой уже давно вместе, я всё терпела, но он ей дитё заделал, тут уже ждать мы не будем. Моя дочь должна выйти за твоего мужа!

Я не успела ничего ответить, потому что в кабинет зашел Захар собственной персоной.

— Дорогой муж! — ехидно позвала я Захара, — Заходи скорее! Тут твоя новоиспеченная теща раздел нашего имущества обсуждает!

14.

Сижу так минуту, другую. Потом заставляю себя встать.

Ноги ватные, но идут. Я выхожу в коридор. Вдоль стены — разбросанные вещи. Носки Арсения, моя кофта, журналы, какие-то бумаги. Полицейские даже не пытались ничего аккуратно сложить. Просто выгребали ящики, скидывали в кучу, рассматривали, искали что-то, что могло еще больше утопить моего мужа.

Я наклоняюсь, поднимаю его носок. Кладу на полку. Потом кофту — вешаю на плечики. Закрываю ящик комода, который остался открытым. Прячу обратно перчатки, ремни, подтяжки.

Двигаюсь медленно, почти механически. Как робот, у которого сели батарейки.

Прохожу мимо тумбы в прихожей.

И вижу его.

Конверт, тот самый, с результатами анализа на ХГЧ.

Он лежит там, куда я его бросила ещё вчера. Или сегодня? Я уже не помню. Время смешалось, потеряло смысл.

Я беру конверт в руки. Он уже помятый, края замялись, уголок надорван. Я открываю его, достаю листок.

<0.1 мМЕ/мл.

Отрицательно.

Усмехаюсь. Горько, сухо, беззвучно.

— Кажется, это было в прошлой жизни. Когда, я была живой и настоящей, — шепчу я и смотрю на свое отражение в зеркале. Помятая, уставшая, с мешками под глазами и выбивающимися прядями волос. – Мы с Арсом мечтали о ребенке и надеялись прожить долго и счастливо. Сейчас, я не надеюсь ни на что.

Сжимаю листок в кулак. Хочу разорвать, выбросить, забыть. Но вместо этого аккуратно складываю и кладу обратно в конверт.

— Пусть лежит, — говорю я. — Как напоминание, о том, какой я была дурочкой.

Кладу конверт на место.

Поднимаюсь по лестнице.

Ступенька. Ещё одна. Перила липкие от пролитого вина. Я провожу по ним ладонью — пальцы приклеиваются к дереву. Морщусь. Опускаю глаза и вижу, что на дубовых досках расплылись красные разводы. Кровь? Вино? Я не знаю. Не хочу знать.

Осторожно касаюсь носком тапка. Подошва прилипает, а потом с лёгкостью отлипает – с тихим чавкающим звуком, от которого меня передёргивает.

Грязно. Противно. Отвратительно.

Словно весь дом загажен Ангелиной. Её вином, её духами, её смехом, её помадой, её ненавистью. Кажется, даже стены пропитались ею. Даже воздух стал чужим, тяжёлым и липким.

Я поднимаюсь выше.

Ступенька за ступенькой.

И с каждым шагом чувствую, как что-то внутри меня сжимается, как пружина, которую вот-вот разорвёт.

Вхожу в спальню.

И замираю.

Здесь настоящий ад.

Шкафы открыты настежь. Всё, что было внутри — вывалено на пол. Мои платья, его костюмы, бельё, ремни, галстуки — всё перемешано в одну кучу. Кровать сдвинута к стене. Матрас стоит на ребре — под ним тоже искали.

Тумбочки перевёрнуты. Ящики выдвинуты, их содержимое разбросано по полу — зарядки, книги, старые чеки, какие-то безделушки.

Картины сняты со стен. За ними – пустота. Обои в пыли.

Я делаю шаг, второй. Иду по этому хаосу, перешагивая через вещи.

— Что же вы наделали, — шепчу я. — Что же вы наделали… сволочи?

Сажусь на край кровати. Смотрю на этот бардак. Руки опущены, плечи поникли. Вздрагиваю и приказываю себе не реветь.

Потом медленно встаю и вновь осматриваюсь.Надо все здесь убрать. Надо как-то жить дальше.

Я начинаю собирать вещи. Механически, без мыслей. Кладу его рубашки в стопку — потом в шкаф. Мои платья

вешаю на плечики.

Прохожу в ванную.

Здесь тоже всё перерыто. Полотенца сброшены на пол, тюбики с шампунями валяются в раковине, зеркало над умывальником заляпано — видно, что кто-то трогал его грязными руками.

Я вздыхаю. Начинаю собирать.

Поднимаю полотенца. Кладу их в стирку. Ставлю тюбики и пузырьки в душевую кабину — пусть стоят, потом разберу.

Наклоняюсь, чтобы поднять мятую упаковку от мыла, которая закатилась под ванну.

И замираю.

За мусорным ведром, прижатый к ножке, лежит что-то блестящее. Я тянусь рукой и достаю… презерватив.

Использованный.

Я смотрю на него и не могу пошевелиться.

Вот он, в моей руке, в непрозрачной, белой оболочке, свёрнутый, с каплей спермы внутри.

— Откуда? — шепчу я.

Мы с Арсением не пользуемся презервативами. Мы пытаемся зачать ребёнка. У нас нет презервативов в доме. Я точно знаю.

Тогда чей он?

Как он оказался здесь?

Я смотрю на ведро. Потом на пол вокруг. Полицейские обыскивали ванную? Похоже, нет. Они перерыли спальню,

гостиную, кухню. А в ванную заглянули по диагонали. Заглянули, прошлись по верхам и ушли.

Пропустили.

Я держу презерватив в руке. Он скользкий, противный. Меня подташнивает и я хочу от него побыстрее избавиться.

Что с ним делать?

Выбросить? Спрятать? Отнести в полицию?

А если это улика? Если это докажет, что в доме был кто-то ещё? Кто-то, кто изнасиловал Ангелину!

— Господи, — шепчу я. — Что мне делать?

Я заворачиваю презерватив в салфетку. Кладу на край раковины. Смотрю на него.

Потом беру телефон.

Кому звонить?

Адвокату? Сказать, что я нашла улику, которую пропустила полиция?

Громову? Этому типу с визиткой, который уже вынес приговор моему мужу?

Маше?

Косте?

Я не знаю.

Я просто стою в ванной, сжимаю в руке салфетку с чужой спермой, и не понимаю, живу ли я всё ещё в реальности или это какой-то страшный сон.

Потом, я достаю телефон из заднего кармана джинсов и набираю номер.

— Денис Сергеевич, — говорю я в трубку. — Я кое-что нашла в туалете. Полицейские пропустили. Я не знаю, что с этим делать.

Адвокат молчит секунду.

— Что нашли? — спрашивает он.

— Презерватив… эммм… использованный. Мы с мужем такими не пользуемся. И вообще… давно уже не предохраняемся. Мы же собирались… собирались завести ребенка. Простите, я не должна была…

— Вера, успокойтесь. Прошу вас. Но главное, ничего не трогайте. Слышите? Ничего, — быстро говорит адвокат. — Не выбрасывайте. Не прячьте. Я приеду через полчаса. И захватите перчатки — не прикасайтесь больше без защиты. Это может быть важной уликой.

— Хорошо, – говорю я.

— Вера, – он замолкает. – Если это правда, и презерватив не ваш это может изменить всё.

— Я знаю.

Я кладу трубку и смотрю на салфетку с презервативом.

Потом на свои руки.

Я выхожу из ванной, спускаюсь по лестнице. Ступенька за ступенькой, перила всё ещё липкие, воздух всё ещё тяжёлый. Прохожу в гостиную, сажусь в кресло.

Кладу салфетку с презервативом на стол. Смотрю на неё.

Потом перевожу взгляд на визитку, которая осталась лежать там, куда я её бросила — на край тумбы.

Громов Давид Романович.

Начальник отдела. Полковник полиции.

Я беру визитку.

Тяжёлый картон, золотое тиснение. Буквы шершавые, я провожу по ним пальцем — раз, другой.

И вспоминаю его лицо.

Красивое. Суровое. С квадратной челюстью, с тёмными глазами, которые смотрят так, будто видят тебя насквозь. Он смотрел на меня как на врага. Как на жену насильника. Но в его глазах было и что-то ещё — то, что он прятал за формой, за званием, за этой бандитской небрежностью.

Я сжимаю визитку. Разжимаю. Снова сжимаю.

— Может ему тоже позвонить? — шепчу я и у меня медленно начинает стучать в висках.

Он будет рад любой улике. Но рад он будет потому, что улика посадит Арсения или потому, что поможет найти правду?

Я не знаю.

Я просто сижу и смотрю на телефон.

Потом набираю номер Громова.

Гудки. Долгие. Один, два, три, четыре, пять.

— Абонент не отвечает, — говорит механический голос. — Но вы можете оставить ему сообщение.

Я сбрасываю.

— Чёрт, — шепчу я и переворачиваю визитку.

Смотрю на экран телефона и снова набираю номер поли-

цейского.

Один гудок. Второй.

— Слушаю, — голос низкий, хриплый, как будто он не спал всю ночь.

— Давид Романович? Это Вера Львова, — говорю я и закусываю губу. — Жена Арсения Львова. Помните меня.

Тишина убивает, заставляет думать о том, что НЕ НАДО было звонить полицейскому. Адвокат же русским языком сказал, сидеть и ждать. А ты, балда, не живется тебе спокойно!

— Я помню, – голос полицейского резко врывается в сознание и я вздрагиваю. – Что случилось?

— Я нашла кое-что, — мой голос дрожит, но я стараюсь говорить ровно. — В доме. В ванной. Кажется, ваши коллеги кое-что пропустили. Я не знаю, что это значит, но…

— Что вы нашли? — перебивает он. В голосе напряжение.

— Презерватив. Использованный. Мы с мужем не пользуемся такими уже очень давно. У нас их вообще нет в доме.

Громов молчит. Три секунды. Пять. Десять.

— Ничего не трогайте, — говорит он наконец. — Не выбрасывайте, не убирайте. Я выезжаю. Буду через пятнадцать минут.

— Хорошо, — говорю я.

— Вера Павловна, — он замолкает. — Вы знаете, что это может означать?

— Знаю, — говорю я. — Что в доме был кто-то ещё.

— Да, — коротко отвечает он. — Ждите.

Полицейский кладёт трубку.

Я смотрю на телефон.

Салфетка с презервативом лежит на столе. Белая, на черной столешнице, как пятно, как клеймо, как доказательство того, что я не сошла с ума.

Телефон вибрирует.

Адвокат.

— Денис Сергеевич, — говорю я. — Что-то случилось? Вы не приедете?

— Вера Павловна, у меня был сложный разговор со следователем, – слышу усталый голос адвоката и сама сжимаюсь, словно пружина. — Мне потребовалось больше времени, чем я рассчитывал. Я выезжаю сейчас, буду у вас примерно через час.

— Хорошо.

— Вы ничего не трогали? — уточняет он.

— Нет. Всё так и лежит.

— Отлично. Вера Павловна, послушайте меня внимательно, — голос становится жёстче. — Я знаю, что вы сейчас на нервах, но прошу: никому ничего не говорите. И не звоните.

Я сжимаю телефон.

— Я уже позвонила Громову, — тихо говорю я. — Он будет через пятнадцать минут.

Тишина.

– Кто такой Громов?

— Полицейский, полковник полиции. Похоже, он ведет дело об изнасиловании.

— Вы сказали ему про презерватив? — голос адвоката становится ледяным.

— Да, — шепчу я и кусаю губы.

— Вера Павловна, — он вздыхает. — Зачем?

— Я не знала, что делать. Я испугалась. А он полицейский. Думала, он поможет.

— Поможет, — голос адвоката становится мрачным. — Но неизвестно кому. Вам или обвинению. Скорее, второе.

Я провожу рукой по лицу и закатываю глаза.

— Слишком поздно. Извините.

— Ладно, — он говорит быстро. — Что сделано, то сделано. Теперь действуем по ситуации. Я подъеду, как только смогу. Ничего не подписывайте без меня. И постарайтесь не говорить с ним наедине. Если будет задавать вопросы — отвечайте, но коротко. Без подробностей.

— Поняла, — говорю я и кладу трубку.

Громов приезжает через пятнадцать минут, как и обещал.

Я слышу звук двигателя, потом хлопок дверцы. Встаю с кресла, иду к двери и открываю.

Он стоит на пороге — высокий, в той же форме, что и утром. Но без фуражки. Волосы взлохмачены, под глазами круги. Он выглядит уставшим, но взгляд острый, цепкий.

— Здравствуйте, — говорит он коротко. — Где находка?

— На кухне, — отвечаю я. — На столе. Я ничего не трогала.

Он кивает, скидывает ботинки, проходит в кухню. Надевает перчатки из кармана, берёт салфетку, рассматривает.

— Вы сказали, это не ваше?

— Не наше, — я стою в дверях, скрестив руки на груди. — Мы не пользуемся презервативами. Уже давно. Мы пытаемся завести ребёнка.

Громов молчит. Разворачивает салфетку, смотрит на презерватив. Меня тошнит от одного вида.

— Кто ещё мог быть в доме? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Я не знаю, — отвечаю я честно.

— Муж сам мог принести.

— Мой муж не пользуется презервативами.

— А вы уверены? — он поднимает на меня глаза. — Вдруг у вас были проблемы, и он решил… подстраховаться?

15.

Я смотрю на полковника Громова и ощущая, как в груди закипает злость — горячая, глупая, неправильная. Он не имеет права так говорить. Никто не имеет права.

— Мой муж не насильник, Давид Романович, — говорю я, и голос мой звучит твёрже, чем я себя чувствую. — И не изменщик. Он любящий муж. Я знаю его пять лет. Он акушер-гинеколог. Он принимает роды. Он держит чужих детей на руках. Он не способен на то, в чём его обвиняют.

Громов молчит, смотрит на меня и улыбается. .

— Пять лет, — повторяет он. — Вы знаете его пять лет. А я работаю в Следственном комитете восемнадцать. За это время я видел таких «неспособных» — сотни.

— И все они были виноваты? – испуганно спрашиваю, заламывая руки. И уже жалею о том, что позвонила ему. Не надо было ничего делать. Кажется, я сделала только хуже. Теперь, если в этом презервативе окажется сперма моего мужа посадят. Это же не правильно. Не правильно же, да? Я же люблю Арсения, а его посадят?

Но если там его сперма, значит он насильник! Тогда, все верно.

Кажется, я схожу с ума.

— Все виноваты, — отвечает он без колебаний. – Каждый, кто проходил через меня, был виновен. И ваш муж, –

он хмуро смотрит на меня, – тоже виновен и я это докажу.

— Тогда зачем вы сюда приехали? — я качаю головой от бессилия. — Зачем вы вообще возитесь с этой уликой, если уже вынесли ему приговор?

Он сжимает челюсть. Желваки ходят ходуном.

— Потому что я следак, мать его, — говорит он. — Потому что моя работа, собирать доказательства. Как те, что говорят против вашего мужа, так и те, что могут его оправдать.

— Тогда сделайте это, — я смотрю ему прямо в глаза. — Сделайте свою работу и найдите правду.

Он долго смотрит на меня. Потом кивает.

— Не волнуйтесь, Вера Пална, сделаю, — говорит он. — Но вы должны понимать: то, что презерватив не ваш — не отменяет следов спермы на теле потерпевшей. И ее показаний.

– Давид Романович, когда я приехала домой, я видела собственными глазами свою сестру Ангелину. Она сидела на кровати, рядом с моим спящим мужем и была без синяков и ссадин.

– Вы уверены в этом?

– Ну конечно, – киваю я медленно.

– Просто у нас есть свидетели, которые говорят, – медленно словно по бумажке произносит следователь, – что видели выходящую из вашего дома девушку, похожую на вашу сестру и на лице у нее была кровь и синяки. На ногах ссадины, одежда порвана. Она вышла из дома и направилась в сторо-

ну своей машины. Она хромала и плакала.

— Это… — я запинаюсь, тру ноющие виски. Голова раскалывается. — Это я…

— Что вы? — он сощуривает глаза, буравит меня взглядом. — Изнасиловали девушку? — голос становится тихим, опасным. — Может, вы на пару со своим мужем-насильником напали на неё и избили?

– Не говорите ерунды! – вспыхиваю я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. . – Как это вообще может быть правдой.

– Вполне рабочая версия, – равнодушно ответил следак и потер переносицу. – Так, ну ладно. Возможно, что в вашем доме был кто-то посторонний. Возможно, тот, кто всё это устроил. Будем дальше копать.

Громов упаковывает презерватив в пакет.

— В любом случае, надо ждать экспертизы. Если ДНК спермы с этого презерватива совпадёт с ДНК вашего мужа — для защиты это будет серьёзным ударом. Можно сказать, это будет конец.

— А если нет? — спрашиваю я и поднимаю на него глаза. Ищу поддержки, надежды, хоть чего-то. Но нахожу лишь холодный профессионализм.

— Если нет, — он поднимает на меня глаза, — будем искать того, кому она принадлежит.

— Найдите его, — молю я его и складываю ладони в молитвенном жесте. — Пожалуйста. Найдите.

Громов не отвечает. Застёгивает пакет и убирает в карман.

— Когда будут результаты, я позвоню, — говорит он. — До свидания, Вера Павловна.

— До свидания, — говорю я.

Он выходит. Дверь закрывается с глухим стуком.

Я стою в прихожей, прислонившись спиной к стене, слышу, как отъезжает его машина. Потом тишина, которая давит на уши, на виски, на сердце.

Адвокат приезжает через час. Я слышу звук подъезжающей машины, потом стук в дверь. Открываю.

Денис Сергеевич стоит на пороге — в дорогом пальто, с портфелем в руке. Вид у него уставший, но собранный.

— Здравствуйте, Вера Павловна, — говорит он. — Громов был?

— Был, — я пропускаю его в дом. — Забрал презерватив. Упаковал. Сказал, сделает экспертизу.

— Рассказывайте, — он скидывает пальто, вешает на вешалку. Проходит на кухню, садится на стул.

Я сажусь напротив. Подаюсь вперёд, обхватываю себя руками.

— Я сказала ему, что когда я приехала домой, на ней не было синяков. А он сказал, что его свидетели видели Ангелину, выходящую из дома с синяками и ссадинами, Похоже, он мне не поверил.

— Конечно, не поверил, — адвокат качает головой. — У него есть показания свидетелей. У вас — только ваши слова.

— Но это правда! — я сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони.

— В суде правда — это то, что можно доказать, — жёстко говорит адвокат. — А пока у Громова есть улики против Арсения. Следы спермы, ссадины, показания потерпевшей, показания свидетелей. А у нас — только вы и найденный вами презерватив, который теперь у него.

— Вы думаете, он его спрячет? — шепчу я и понимаю, что говорю ерунду. Мозги не работают, голова болит и хочется только одного, чтобы все это побыстрее закончилось.

— Нет, — адвокат качает головой. — Громов настоящий профессионал. Он сделает экспертизу. Вопрос в том, как он интерпретирует результаты. И когда.

— Что теперь делать? — я смотрю на него.

— Теперь нам остается только ждать, — он достаёт блокнот, делает пометку. — Ждать результатов и готовиться к худшему.

— К худшему? — голос мой дрожит.

— К худшему — в смысле, если ДНК совпадёт, — он поднимает на меня глаза. — Вы должны быть готовы к любому развитию событий, Вера Павловна.

— Я готова, — говорю я, хотя внутри всё сжимается от страха. — Наверно. Я должна быть готова.

Адвокат встаёт. Закрывает блокнот, убирает в портфель.

— Я поеду, — говорит он. — Займусь этим делом. Вам сейчас лучше отдохнуть.

— Я не могу, — качаю головой. — Я хочу увидеть мужа. Это возможно?

— Думаю, я могу это устроить, — киваю он. – Завтра, я вам позвоню и сообщу подробности.

Я поджимаю губы и от бессилия качаю головой.

Адвокат одевается, выходит. Дверь за ним закрывается и я снова остаюсь одна. За окном февральский вечер и я безумно, практически болезненно, хочу спать.

А потом звонит телефон и разрывает тишину на мелкие кусочки. Я подхожу и смотрю на экран.

Незнакомый номер. Смахиваю зеленую трубку вправо и подношу телефон к уху.

– Я слушаю.

– Добрый день, Вера Павловна, – голос низкий, будто говорят из подвала.

– Кто это?

– Слушай сюда, я могу рассказать тебе кое-что важное про твоего мужа и про то, что произошло вчера. Хочешь послушать?

16.

Я замираю.

Рука, держащая телефон, немеет. В горле пересыхает.

— Кто вы? — спрашиваю я шёпотом. Голос не слушается, срывается на хрип.

— Меня зовут Николай, — голос низкий, приглушённый, будто человек говорит, прикрывая трубку ладонью. Я слышу, как он дышит — тяжело, с присвистом. — Важно то, что я знаю, кто на самом деле изнасиловал эту девчонку. И это не твой муж.

Сердце пропускает удар. Потом начинает колотиться где-то в горле — тук-тук-тук. Я прижимаю ладонь к груди, словно пытаюсь унять эту дикую дробь.

— Откуда вы знаете? — я прижимаю трубку к уху, боюсь пропустить хоть слово, хоть вздох.

— Я видел, — говорит он и замолкает на мгновение. Я слышу, как он щёлкает зажигалкой, затягивается. — Всё видел своими глазами.

— Где? — я подаюсь вперёд, хотя он меня не видит. — Где вы это видели?

— У твоего дома, — голос становится тише, как будто он оглядывается по сторонам. — Днем. Она шла к своей машине. Вся в грязи, бледная. Шаталась словно пьяная. Я как раз из заправки вышел покурить. А тут она идет… к машине

своей шла. Достала ключи и давай жамкать на кнопку. Но че-то там у нее не сработало. Она выругалась так смачно, как заправский слесарь. Я даже усмехнулся, я так не ругаюсь, как нынешняя молодежь.

— А дальше что было? Дальше? — срываюсь на крик, потому что терпения уже нет.

— Чёрный внедорожник подъехал. Без номеров. Стекла тонированные, ничего не разобрать. Дверь открылась, и её туда запихнули, — он замолкает. Я слышу, как он выдыхает дым. — Я думал, может, знакомые. Но она кричала. Коротко так, отрывисто. А потом дверь захлопнулась, и они уехали.

— Вы не вызвали полицию? — голос мой дрожит. Я закусываю губу, чувствую вкус крови. – Почему, вы не побежали за помощью? А если бы ее убили?

— А кто мне поверит? — он усмехается. Горько, устало. — Я с заправки, простой работяга. Скажут — показалось, перепил, обознался. О, смотрите, Колян, опять бухой и ему опять че-то там привиделось.

— Вы можете пойти в полицию как свидетель, — я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, но получается плохо.

— Могу, — голос становится твёрже. В нём появляются стальные нотки.

– Спасибо, - искренне радуюсь и улыбаюсь, но видимо рано.

– Спасибо на хлеб не намажешь и в карман не положишь. За все надо платить.

— Сколько? — спрашиваю я без паузы. – Говорите, не тяните уже, Николай! - срываюсь я на крик. Нервы ни к черту.

— Пятьдесят тысяч, — говорит он. — Завтра в полдень. У заправки. Принесёшь деньги - значит, это, пойду в полицию. Расскажу всё. Имя оператора заправки запишу, может, на наши камеры что-то попало.

— Откуда мне знать, что вы не врёте? — я сжимаю телефон. Пальцы дрожат, но голос держится.

— А зачем мне врать? — он замолкает. Я слышу, шорох камней под ногами. Кажется, он переминается с ноги на ногу. – Я правду говорю. И я правда очень хочу вам помочь. Но даром никто не работает, Вера Павловна. Я мужик простой, мне за каждый час платят. А если я пойду в полицию — меня с работы могут выгнать. Так что надо брать выходной за свой счет.

— Я вас поняла. – киваю я и мысленно пытаюсь вспомнить, с какой карты лучше снять деньги, которых и так становится все меньше и меньше. Адвокату еще нужно заплатить аванс и кажется, деньги закончаться.

— Как мне вас найти? — я вытираю пот со лба тыльной стороной ладони.

— Завтра в двенадцать. У заправки. Я подойду к твоей машине, — он замолкает. — У тебя, Вера Пална, серый «Фольксваген», если не ошибаюсь?

— Да, все верно, — выдыхаю я, – профессиональная память?

– Двадцать лет работаю на заправке и в мастерской. Никуда не денешься, надо как-то крутиться. Жизнь она такая.

— И никому не говори, Вера Павловна, — голос становится жёстким, почти угрожающим. — Ни ментам, ни адвокату, никому. Если ещё кто узнает — сделки не будет. И я всё забуду. А ты своего муля не вытащишь.

— Поняла, — шепчу я. — Никому не скажу. Николай…

Договорить я не успела, в трубке раздались короткие гудки.

— Никому не говори, — шепчу я сама себе и шумно выдыхаю.

Ночь я почти не сплю. Долго ворочаюсь, перекидываю себя с боку на бок. Мешает плоская подушка, душное одеяло и холодная простыня. Бесит все!

Лежу в темноте, смотрю в потолок, прокручиваю разговор снова и снова. Голос Николая въелся в память. Его слова — про чёрный внедорожник, про крик, про то, как её запихнули в машину.

Если это правда — у Арсения есть шанс.

Если это ложь — я попаду в ловушку.

Под утро я принимаю решение идти на встречу с кем-то… и этот кто-то должен быть в лучшем случае с пистолетом.

Я беру телефон и набираю номер опера Громова.

Через пару гудков, слышу хриплый и сонный голос.

— Слушаю.

Он не спал или только что проснулся?

— Давид Романович, это Вера Львова, — говорю я тихо, чтобы никто не услышал. — Извините, что так рано. Я вас не разбудила?

— Что случилось? — в голосе появляется раздражение. Похоже, все же разбудила. Смотрю на часы, пять утра. Твою мать! Ударяю себя ладонью по лбу, но легче не становится.

— Мне вчера вечером звонил один мужчина. Он сказал, что видел, как Ангелину похитили и изнасиловали. Внедорожник без номеров. Недалеко от моего дома и заправки.

— Кто звонил? — Громов говорит быстро, отрывисто. Я слышу, что он как будто поднимается с кровати и садится.

— Его зовут Николай. Сказал, что работает на заправке. И он хочет завтра… то есть, уже сегодня в двенадцать встретиться у заправки. Просит пятьдесят тысяч за информацию. И еще он готов пойти в полицию как свидетель.

Громов молчит.

— Вы ему верите?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Но если это правда — это шанс для Арсения. А если нет… я в любом случае, не хочу идти одна.

— Это правильно. Молодец, Вера, что позвонила мне.

Я слышу, как он ходит по комнате, как зажигается где-то свет. Он включил громкую связь и теперь я слышу все. Как он дышит, кашляет, наливает в кружку воду. Возможно кофе. От этой мысли, мне тоже…. просто безумно захотелось выпить чашку горячего ароматного кофе. С пенкой и круас-

саном. – Мммм…

– Что вы сказали? - слышу голос полицейского. - Или..?

– Я… ничего. Просто… это… неважно.

— Хорошо, — говорит он наконец. — Я приеду. Буду рядом. Он не узнает. Но вы должны делать всё, как он скажет. Не спорьте, не торгуйтесь. Возьмите информацию, какую он предоставит, отдайте деньги и вообще, делайте все, что он скажет.

— Кажется, у меня проблема, Давид Романович, — шепчу я.

— Что еще?

— У меня нет пятидесяти тысяч. Последние крохи на картах остались.

— Я дам, — голос Громова становится жёстким. — Меченые. Если он их возьмёт – это уже состав. Вымогательство.

— А если не возьмёт?

— Тогда посмотрим, — отвечает Громов. — Он ждет вас в двенадцать, у заправки, так?

— Да.

— Я буду у вас в десять тридцать. Привезу деньги и расскажу как действовать.

— Спасибо, — выдыхаю я.

— Не благодарите, — голос становится холодным. — Я делаю свою работу. До встречи, Вера.

Он кладёт трубку и я слышу короткие гудки. Смотрю на телефон и выключаю его.

А потом иду на кухню и варю себе черный ароматный кофе. Жизнь продолжается и я должна быть готова к ее сюрпризам в любом случае.

А пока мы ждем продолжения, я предлагаю вам окунуться в мою НОВИНКУ!

Идеальная жена для бывшего мужа

https://litnet.com/shrt/-Sge

– Если ты сейчас же не уберешь свою руку с моей груди, я тебя укушу!

– Кусай, – голос хриплый, сухой. От него бегут мурашки по коже, внутренности скручиваются узлом.

Под одеялом горячее мужское тело, которое прижимается ко мне, явно не с добрыми намерениями. Я пытаюсь отодвинуться на сантиметр, но он приближается на два.

Меня вновь обладает волной жара, и я невольно стону.

– Родная… по-моему, надо повторить все то, что мы вытворяли с тобой этой ночью.

МЫ были женаты, когда-то оооочень давно. Десять лет назад. Все поросло быльем. Мосты уже давно все догорели, не оставив и пепла.

Но на свадьбе подруги, мы встретились вновь и спустя пару часов оказались в одной постели.

Молодой человек, руки уберите от меня! То что было по пьяни, не считается и больше не повторится.

17.

Громов, как и обещал, приезжает в десять тридцать.

Я слышу звук двигателя, выглядываю в окно — его неприметный темно-синий седан паркуется у соседнего дома. Он выходит, осматривается, быстро проходит к моей двери.

Стучит коротко, три раза.

Я открываю.

— Здравствуйте, Вера, — говорит он. В руках у него небольшой конверт. — Вот. Деньги. Помечены. Пятьдесят тысяч купюрами по пятьсот рублей. Серийные номера зафиксированы.

Я беру конверт и взвешива.

– Тяжёленький, – улыбаюсь я, словно это я разбогатела на целых пятьдесят тысяч рублей. Сколько же колбасы можно купить на такие деньги, сказала бы моя мама. Я вздыхаю, потому что понимаю, как давно я ей не звонила и как давно я не была в родных местах. Обязательно позвоню на днях. Я поднимаю глаза на полицейского и спрашиваю. – Как действовать?

— Встретитесь с ним, — Громов проходит в прихожую, закрывает дверь. — Отдадите деньги. Он передаст вам информацию. Не спорьте, не торгуйтесь. Если он скажет, что пойдёт в полицию — соглашайтесь. Если скажет, что даст показания — кивайте.

— А где будете вы?

— Рядом, — Громов подходит к окну, отодвигает штору. — Машина будет стоять у дороги. Я буду в гражданской куртке, кепке. Он не поймет, что я из полиции.

— А если что-то пойдёт не так? — я сжимаю конверт.

— Тогда я вмешаюсь, — он поворачивается ко мне. — Но вы должны сделать всё, чтобы этого не произошло. Он не должен заподозрить, что вы не одна.

— Поняла, — киваю я.

— Вера, — он смотрит на меня. — Вы уверены, что хотите это сделать?

— А у меня есть выбор? — горько усмехаюсь я.

— Всегда есть выбор, — говорит он твёрдо, кладя руку мне на плечо. — Можно подождать результатов экспертизы.

— Экспертиза не оправдает Арсения, — качаю я головой. — Это наш единственный шанс.

Громов молчит. Потом кивает.

— Хорошо. Тогда действуем.

В двенадцать я подъезжаю к заправке.

Моя машина останавливается у дальней колонки, как мы и договаривались. Двигатель я не глушу. Конверт с деньгами лежит в бардачке. Руки на руле, предательски дрожат.

Я смотрю в зеркало заднего вида и замечаю в отдалении темно-синий седан Громова. Он стоит у обочины, внутри никого не видно. Но я знаю, что он там.

Жду. Пять минут - десять.

Я уже думаю, что Николай не придёт. Что это была дурацкая шутка. Что я зря ему поверила.

Но в 12:17 к моей машине подходит мужчина. Лет пятидесяти, небритый, в телогрейке и засаленной кепке. Глаза маленькие, колючие. Он оглядывается по сторонам, потом наклоняется к моему окну.

Я опускаю стекло.

— Николай? — спрашиваю я.

— Он самый, — голос тот же — низкий, приглушённый. — Деньги принесла?

— Принесла, — я достаю конверт.

Он смотрит на него, щурится. Хитро улыбается. Сразу видно прощелыга. Такие люди за сто рублей душу дьяволу продадут, а потом ещё сдачу попросят.

— Положи на сиденье, — говорит он. — Я сяду сзади.

Я выполняю. Он открывает заднюю дверь, садится. Оглядывается.

— Одна?

— Одна, — говорю я.

— Точно? Ментов не вызвала?

— Нет, — я сжимаю руль, стараюсь, чтобы голос не дрожал.

Он берёт конверт, открывает, смотрит на деньги. Пересчитывать не начинает — верит на слово или не хочет терять время.

– Деньги у вас! Говорите, – приказываю и поворачиваюсь к нему. Незаметно включаю диктофон в кармане.

— Имя того, кого я видел, — говорит он. — Запомни, Вера Павловна. И скажи своим ментам.

— Я слушаю, — шепчу я.

— Глеб Корецкий, — выдыхает он.

Я замираю.

— Вы уверены? — переспрашиваю я.

— Своими глазами видел, — голос становится твёрдым. — Он это был. Я его машину знаю. Он к нам на заправку часто заезжал, машину мыл, бензин заливал. Я его сразу узнал. Операторы его «Глеб Константинович» называли. Я и запомнил.

— Что вы еще видели? — спрашиваю я. – Можете повторить?

— Она подошла к своей машине, — говорит Николай. — Дёрнула ручку, что-то не открывалось. Она выругалась. Тут подъехал чёрный внедорожник без номеров. Мужик выскочил, схватил её за волосы, запихнул внутрь. Она кричала. Он сел за руль и уехал.

— А потом?

— Через минут десять он вернулся. Точнее, я услышал визг тормозов. Она лежала на обочине. Вся в грязи, бледная. Он высадил её и уехал. Я хотел подойти, но он быстро скрылся.

— Почему не заявили в полицию?

— Испугался. Да и кто мне поверит? — усмехается Николай. — Я кто? Заправщик. Меня и слушать не станут.

— Вы пойдёте в полицию? — спрашиваю я.

— Пойду, — он открывает дверь. — Сегодня же. Как деньги на карту закину.

Он выходит.

Я смотрю, как он идёт к маленькой белой машине, стоящей у края заправки. Садится, заводит двигатель.

И тут же к нему подбегают двое в штатском.

Я не успеваю моргнуть.

Громов появляется из ниоткуда, открывает дверь со стороны водителя, что-то говорит Николаю. Тот бледнеет, руки на руль, но не сопротивляется. Ему показывают удостоверения и надевают наручники. Я стою у машины и смотрю, как Николая уводят. Внутри все сжалось от холода и страха. Я знала, что так будет. Мы договаривались. Но всё равно страшно.

Громов подходит ко мне.

— Он дал показания, — говорит он. — Назвал имя – Глеб Корецкий. Теперь его нужно проверить.

— А если окажется, что он врал? — спрашиваю я.

— Тогда у нас есть состав на вымогательство.

Полицейская машина уезжает. Я стою у заправки и смотрю им вслед.

— Глеб Корецкий, — шепчу я. — Кто ты? И что ты сделал с Ангелиной?

Хорошие мои, смотрите что я вам принесла!
Просто бомбезная новинка!
Развод. Рожу - не скажу!
https://litnet.com/shrt/JkqN

Слава
БОГАТЫХ

— У нас с твоим мужем будет ребёнок, — зло улыбается сестра с моей подушки.

Муж прячет глаза.

Запираюсь в ванной. В дрожащих руках тест. Две полоски.

Два года я ждала этого чуда, но оно пришло в самую грязную ночь моей жизни.

У них будет ребенок? Пусть. О моем он не узнает никогда. Рожу - не скажу.

18.

Глеб Корецкий. Имя крутится в голове, наматывается на воображаемый клубок, путается, сбивается в колтун. Я где-то слышала эту фамилию.

И не просто слышала, а сталкивалась. Мельком, на врачебных конференциях, на медицинских семинарах. Возможно, он даже врач или связан со врачебной деятельностью.

Всегда в дорогих костюмах, наглаженных рубашках с запонками. С красивыми женщинами, то с одной, то с другой.

Но чтобы он — и насилие?

Не верю!

Я сижу в машине, крепко сжимая руль, так что костяшки белеют. В голове хаос: мысли мечутся, перебивают друг друга, кричат. Мельком смотрю на часы и сокрушительно качаю головой. У меня вечерняя смена через два часа.

— Поехали, — говорю я сама себе и поворачиваю ключ зажигания.

Больница встречает меня знакомым запахом хлорки — резким, выедающим глаза. Дежурная суета, голоса диспетчеров, звук раций. Я прохожу в раздевалку, переодеваюсь механически, не глядя.

В зеркале — чужое лицо. Бледное, с красными глазами, с синяками под ними. Я провожу рукой по волосам, собираю их в хвост.

— Держись, Вера, — шепчу я себе. — Держись.

Забираю планшет, спускаюсь в гараж. Серёга уже заводит машину — наша старая, вечно чихающая «Газель».

— Вер, ты чего такая бледная? — спрашивает он, когда я забираюсь на пассажирское сиденье.

— Ночью не спала, — вру я, отворачиваясь к окну.

— Понятно, — не настаивает он. — Куда первый?

— Давай по списку.

Первый вызов — пенсионерка с давлением. Маленькая хрущёвка, вонючий подъезд, запах капустного супа и старых кошек. Женщина жалуется на головокружение, измеряю давление — 160 на 100. Делаю укол, даю таблетку, советую вызвать участкового врача.

Второй вызов — ребёнок с температурой. Мальчик лет пяти, весь красный, вялый. Мать плачет, держит его за руку. Я ставлю градусник — 39,5. Сбиваю парацетамолом, советую пить больше жидкости.

Рутина.

Мысли сами собой уходят в сторону. Я снова думаю о Глебе Корецком. О том, что сказал заправщик Николай. Неужели, этот уважаемый человек в медицинских кругах изнасиловал мою двоюродную сестру. Да нет! Не верю.

— Вер, третий вызов, — голос Лены из рации вырывает меня из раздумий.

— Слушаю, — отвечаю я.

— Адрес: посёлок Заречный, коттеджный посёлок «Лес-

ной», улица Сосновая, дом семь, — диктует диспетчер. — Женщина, пятьдесят лет, жалобы на сердце. Давление низкое. Выезжайте срочно.

Серёга включает сирену, и мы вылетаем на трассу. За окном мелькают деревья, дома, столбы. Я смотрю на дорогу и не вижу её.

Через десять минут мы въезжаем в посёлок. Дорогие дома, высокие заборы, камеры по периметру. За заборами пристроились ровными рядками дорогие иномарки, блестящие, как с витрины.

Дом номер семь — двухэтажный особняк из красного кирпича.

Мы выходим из нашей Газели и подходим к воротам.

— Вер, ты чего застыла? — спрашивает Серёга, глядя на меня. — Пошли, там человеку плохо.

— Да, — киваю я. — Идём.

Нас встречает домработница — женщина лет шестидесяти в накрахмаленном фартуке. Лицо перепуганное, руки трясутся.

— Скорее, скорее, — причитает она. — Марине Алексеевне плохо.

Я хватаю укладку, бегу за домработницей. Серёга возвращается в машину — на случай, если понадобится дополнительное оборудование.

Мы влетаем в дом. Поднимаемся по лестнице. На стенах — картины в дорогих рамах, позолоченные канделябры. В

углу — огромная ваза с живыми цветами.

На втором этаже, в большой спальне, лежит женщина. Лет пятидесяти, с ухоженным лицом, но бледная как бумага. Она тяжело дышит, под глазами синяки, губы синие. На ней шёлковая ночная рубашка, волосы распущены.

— Что случилось? — спрашиваю я, опускаясь на колени рядом с ней.

— Сердце, — шепчет она. — Таблетки… не помогли.

Я беру её за запястье, проверяю пульс — слабый, нитевидный. Быстро измеряю давление — 80 на 50.

Я открываю укладку, дрожащими пальцами нахожу ампулу с атропином. Набираю в шприц. Делаю укол внутривенно — медленно, чтобы не навредить.

Женщина морщится, но не кричит. Ставлю капельницу, регулирую скорость.

Через несколько минут дыхание выравнивается, пульс становится чаще. Лицо начинает розоветь.

— Всё будет хорошо, — говорю я, пытаясь улыбнуться. — Выздоравливайте.

Женщина слабо улыбается.

— Спасибо, — шепчет она. — Вы… вы ангел.

— Я фельдшер, — отвечаю я. — Это моя работа.

Я поднимаюсь, чтобы убрать шприцы в укладку, и замираю.

На полке — фотография в серебряной рамке.

Двое мужчин на фоне озера. С удочками. В руках они дер-

жат одну большую рыбу. На лицах – улыбки. Такие счастливые, беззаботные.

Я узнаю обоих.

Петр Александрович Шацкий — мой дядя, главврач. Его лицо я знаю с детства. Он приходил к нам в гости, приносил подарки, хлопал меня по плечу.

И Глеб Корецкий. Тот, чьё имя назвал Николай. Тот, кого я видела на медицинских сборищах.

Я смотрю на фотографию и не могу оторваться.

— Вы знаете этого мужчину? — спрашиваю я, кивая на снимок. Голос мой звучит чужим, далёким. Конечно, она знает этого мужчину, раз его фотография стоит на полке ее шкафа. Глупый вопрос, но поздно, я уже его задала.

— Это мой муж, — с улыбкой отвечает женщина. — Глебушка. Он скоро приедет домой.

Я замираю.

Это ее муж. Серьезно? Да ладно.

Смотрю на женщину, которой только что спасала жизнь. На её ухоженное лицо, на дорогую ночную рубашку, на кольцо с бриллиантом на пальце.

На жену человека, который, возможно, изнасиловал мою сестру. И мне становится немного не по себе. Настолько немного, что начинает подташнивать. Я отворачиваюсь и делаю глубокий вдох.

Быстро собираю медицинскую укладку. Складываю шприцы, упаковываю капельницу. Пальцы не слушаются, но

я справляюсь.

— Вы уже уходите? — спрашивает женщина, приподнимаясь на локтях. — Может все же мужа подождем? Вдруг, со мной что-то не так и мне в больницу надо. Я в этом совсем ничего не понимаю, – истерично заявляет и хлопает глазками как девочка. – А мой муж, он все же врач.

— Я бы советовала вам все же посетить вашего терапевта и кардиохирурга. Хуже не будет.

— А откуда вы знаете Глебушку? По работе встречались?

– Да, – улыбаюсь я, – на одной медицинской конференции.

– Глеб часто выступает на таких мероприятиях. Его любят приглашать. Он хороший врач, — говорит она с гордостью. — Лучший.

— Наверное, — отвечаю я и выхожу из спальни.

Только на таких конференциях он скорее всего изменяет своей больной женушке с молоденькими профурсетками. И, возможно, не только изменяет, но и…

– Всего хорошего. До свидания.

Спускаюсь по лестнице. Ступеньки кажутся бесконечными. Прохожу через роскошную гостиную — мимо кожаных диванов, хрустальных люстр, барной стойки из чёрного мрамора.

Выхожу на крыльцо. Серёга уже заводит машину.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Да, — говорю я.

— Чего так долго?

— Женщина разговорчивая попалась, — вру я снова.

Глеб Корецкий.

Его жена, которой я только что делала укол.

Его дом, его фотографии на каминной полке.

Я нашла его. Возможного насильника моей сестры.

Но что мне теперь с этим делать?

— Поехали, — говорю я Серёге.

— Куда?

— На следующий вызов, Сереж. Смена только началась. Нам с тобой еще пахать и пахать.

19.

Перерыв наступает только в десять вечера.

Я сижу в ординаторской одна. За окном настоящая темень, фонари мигают, с крыш капает. На столе — пластиковый стаканчик с кофе, который давно остыл, и горсть упаковок от шприцев.

Серёга уже ушёл в столовую. Лена дежурит на посту, заполняет журналы.

Я смотрю в одну точку на стене. Кусок отвалившейся плитки висит на соплях, но никто его так и не срывает. Жалеют.

Я вздыхаю и потом медленно достаю телефон.

Нахожу в списке контактов Громова. Палец зависает над кнопкой вызова. На секунду мне становится страшно. А вдруг он не ответит? Вообще-то уже поздновато?

Набираю.

Гудки. Долгие, томительные. Один, два, три.

— Слушаю, — голос хриплый, усталый, как будто он не спал несколько суток.

— Давид Романович, — говорю я тихо, почти шёпотом, — это Вера Львова. Извините, что так поздно. Я… дело в том, что…

— Говорите уже, — в голосе появляется напряжение. Я слышу как он задерживает дыхание, словно хочет выругать-

ся, но сдерживается.

— Я знаю, где живёт Глеб Корецкий, — выдыхаю я. — Я была у него сегодня на вызове. Его жена, ей стало плохо с сердцем. Я её откачала.

Громов молчит.

Я слышу, как он перекладывает трубку к другому уху, как где-то вдалеке хлопает дверь. Похоже, он вышел из кабинета, чтобы никто нас не слышал.

— Вы уверены, что это его дом? — голос осторожный, но в нём звенит что-то новое.

— Я фотографию видела. На каминной полке. Они с моим дядей рыбу ловили. Жена сказала — это её муж. Я уверена, это он.

— Вера, — голос Громова становится ровным, спокойным, как перед ударом. — Мы уже нашли Глеба Корецкого. Он сейчас на допросе.

Я замираю.

Рука, держащая телефон, немеет. В ушах шумит. Сердце пропускает удар.

— Что? — переспрашиваю я, хотя отлично всё слышала. – Так быстро?

– Мы вообще оперативно работаем, – усмехается он и продолжает. — Заправщик дал показания, — терпеливо объясняет Громов. — Мы проверили его машину, нашли свидетелей. Корецкого доставили в участок.

— И давно он там? — мой голос дрожит, несмотря на все

попытки говорить ровно.

— Уже часа три, — отвечает Громов.

Я выдыхаю.

Грудную клетку раздирает незнакомое чувство. Я не знаю, плакать мне или смеяться. Наверное, и то и другое вместе.

— Его посадят? — я сжимаю телефон, будто от этого зависит его ответ.

— Посмотрим, — осторожно отвечает Громов. — Если сможем доказать, что это он изнасиловал Шацкую Ангелину. Есть свидетель, есть показания, есть машина. Но Корецкий — человек не бедный. У него адвокаты, связи.

— Докажите, — прошу я, и слёзы наворачиваются на глаза. — Пожалуйста… докажите.

— Будем стараться, — голос становится мягче, почти человеческим. — Вера, вы держитесь.

— Я держусь. Из-за всех сил. Что мне еще остается, – улыбаюсь, сквозь слезы, но чувствую, что дышать становится легче.

— Вот и хорошо.

— Давид Романович, когда я смогу увидеть мужа? — спрашиваю я. — Мне очень нужно его увидеть. Очень-очень.

— Ну раз, очень-очень. Думаю, завтра утром, можно устроить вам свиданку, — отвечает Громов. — Я договорюсь. Приезжайте к девяти утра. Я вам выпишу пропуск.

— Спасибо, — я закусываю щеку и чувствую привкус крови. — Спасибо вам огромное. Я вам так благодарна, вы даже

не представляете.

— Не благодарите, — сухо говорит он. — Я всего лишь делаю свою работу. До завтра, Вера.

— До завтра, — шепчу я.

Кладу трубку.

Смотрю на телефон. Потом на остывший кофе, стоящий на столе. Беру дрожащими руками стаканчик и делаю маленький глоток. Холодный, противный. Морщусь от вкуса, но хотя бы прихожу в себя.

— Арсений, — шепчу я в пустоту, и губы расплываются в улыбке. — Я еду к тебе.

Смена заканчивается в восемь утра.

Я сдаю планшет, переодеваюсь, прощаюсь с Серёгой и Леной.

Выхожу на улицу. Февральский ветер бьёт в лицо — холодный, колючий, с мелкими иголками снега. Я подставляю щёки, мне нравится эта боль. Она живая и настоящая.

Но внутри меня тепло. Не то, которое от батарей или горячего чая.

Другое.

Глубокое, которое греет изнутри.

Я чувствую, что все у нас будет хорошо. Верю так сильно, что Арсения скоро выпустят, что кажется, словно за спиной вырастают крылья.

Я сажусь в машину. Завожу двигатель — старый «Фолькс-

ваген» чихает, кашляет, но заводится. Выруливаю со стоянки и еду в СИЗО.

В фойе меня встречает дежурный — молодой парень в форме. Скучающий взгляд, но завидев меня, он нехотя выпрямляется.

— Вы к кому? — спрашивает.

— К Арсению Львову, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Полковник Громов обещал договориться.

Парень сверяется с толстым журналом, листает, водит пальцем по строчкам. Кивает.

— Паспорт, — говорит он и лениво протягивает руку. Я роюсь в сумочке и протягиваю. Он поднимает на меня глаза, потом смотрит на документ, потом – снова на меня. Кивает и показывает рукой, куда идти.

— Проходите. Вас проводят.

Я прохожу через рамку металлоискателя. Сдаю вещи в камеру хранения. Меня ведут по длинному коридору — бесконечному, серому, пахнущему канцелярщиной.

По сторонам, тяжёлые двери с маленькими окошками. За некоторыми я слышу пьяные голоса, шаги, кто-то ругается и просит привести гражданина-начальника.

Сердце колотится где-то в горле.

Меня заводят в комнату для краткосрочных свиданий. Небольшое помещение, стол посередине, два стула. На окне — решётка. Бетонные стены, крашенные бледно-голубой

краской, которая местами облупилась.

Я сажусь, кладу руки на стол и жду. Время тянется бесконечно. Каждая секунда кажется вечностью. Через пять минут дверь наконец открывается, но мне кажется, что прошло гораздо больше времени.

Арсений входит.

В одежде, выданной в СИЗО — серые хлопчатобумажные брюки, такая же куртка-безрукавка. Всё мешковато, висит на нём как на вешалке — похудел. Небритый, бледный. Под глазами — синяки. Видно, что он не спал.

— Вера, любимая моя, — голос хриплый, срывается, но в нём столько тепла, что я чувствую его кожей.

— Арсений, — отвечаю я дрожащим голосом и тяну к нему руки. Я оказывается, так по нему соскучилась. Сердце готово вырваться из груди от переполнявших меня чувств. Но я сдерживаюсь.

Мы смотрим друг на друга. Не отрываясь. Будто боимся, что если отведём глаза — всё исчезнет.

Он подходит к столу. Садится напротив. Протягивает руки через столешницу. Кладёт их ладонями вверх.

Я вкладываю свои. Пальцы холодные, шершавые. Но он сжимает мои, крепко, почти до боли.

— Я знаю, кто это сделал, — говорю я, не пряча слёз. Они текут сами, я не могу их остановить. — Глеб Корецкий. Его сейчас допрашивают. Тебя скоро отпустят, Арс. Я обещаю тебе.

Арсений смотрит на меня долго, не отрываясь. В его глазах — радость.

Огромная, выталкивающая наружу всю тьму.

— Я знал, — шепчет он. — Я знал, что ты меня не бросишь.

— Мы муж и жена, — говорю я, сжимая его пальцы. — Мы обещали быть вместе, в горе и в радости, в болезни и в здравии. Разве нет? Помнишь, Арсений? Помнишь, что мы говорили друг другу?

— Помню, — его голос срывается. — Каждое слово помню. Каждое. Вера… – замолкает он и как-то отстраненно смотрит на меня.

– Что, милый?

– Ты не знаешь, результаты ДНК еще не готовы?

Хорошие мои, пока мы ждем, что же скажет Вера, предлагаю почитать мою книгу, которая сейчас находится в прокате!

Развод в 45. Предательство длиною в жизнь

https://litnet.com/shrt/c162

Милана
ЛОТОС

– Это Елена…, - хриплым голосом ответил муж и кашлянул в кулак, – Сергеева.

– И это… твоя хорошая знакомая, так? Вы вместе работаете?

– Ну… не совсем, - переминаясь с ноги на ногу, муж сделал несколько шагов по веранде и выдохнул, - она моя… в общем… это моя гражданская жена.

– Жена? - Осипшим голосом произнесла я и покачнулась. Ноги одрябли и стали будто ватными. – Я же жена.

– Ты законная жена. Она - гражданская. - Спокойным голосом произнес муж и почесал затылок. - А еще у нас есть сын.

На празднике, посвящённом нашим дочерям-близняшкам, мой муж познакомил меня со своей второй женой. Гражданской. Они живут вместе уже двадцать лет, и у них есть сын.

И кажется, это только начало всей той лжи, которую скрывал мой муж. Внезапно, наша семейная жизнь, начала рассыпаться как карточный домик.

20.

– Ты не знаешь, результаты ДНК еще не готовы?

Я сжимаю его пальцы. Чувствую, как напряглись его руки. Неужели, он боится. Но чего? Фальсификации? Подлога? Или… чего-то иного?

— Еще нет, — тихо сообщаю я. — Костя обещал, но надо подождать. Может, сегодня-завтра будут.

Арсений кивает. Отводит взгляд. Смотрит куда-то в сторону, на облупившуюся стену.

— Ко мне адвокат приходил. Вчера, – усмехается и поворачивает голову. – Говорит, что ты нашла презерватив в ванной и отдала его полиции. Это так?

Пот прошибает меня и я задыхаюсь от ощущения вины. Мне невероятно стыдно, а еще страшно. Закусив губу, я киваю.

— Да. Отдала. Прости меня… просто я не знала. Понимаешь, я не знала, что мне делать. Полиция приезжала к нам домой. Они обыскали весь дом. Все перерыли, забрали одежду, бутылку, вещи, документы какие-то, флешки и диски из кабинета. А потом, я нашла его в ванной, за унитазом. Испугалась и позвонила Громову.

– Громову? - он напрягается и выпускает мую руку. Сжимает ее в кулак и я чувствую, как он просто дрожит от ярости. – Этой полицейской шавке, который сажает всех, кто

ему не нравится. Он же помешанный, Вер! Помешанный ублюдок, готовый на все, ради очередного звания.

– Мне так не показалось, – резко отвечаю я, – у него дочь маленькая и он просто… за справедливость. Чтобы всякие насильники, не ходили и не топтали эту землю.

– Я понял тебя, Вер, – он резко поднялся и стул под ним натужно скрипнул, проехался по полу и я вздрогнула. Я наверно никогда, не видела его таким злым, как сейчас.

– Что с тобой, Арс? Почему ты так взъелся?

– Неважно.

Муж отошел к стене, оперся о нее ладонями. Резко мотнул головой и зарычал, как медведь, которого разбудили глубокой зимой. Он явно был недоволен и пошел искать того, кто это сделал. Медведь-шатун. С таким лучше не встречаться — разорвет вмиг.

– А ты знаешь, он еще сказал, что мои дела плохи, — выдыхает Арсений. — Улики против меня. Следы спермы, ссадины на теле Ангелины, её показания. Свидетели, которые видели, как она выходила из нашего дома с синяками.

— Это не свидетели, — перебиваю я. — Это соседи, которым что-то показалось.

— Адвокат говорит, показания есть и суд будет их рассматривать. Посмотрим, – неуверенно бросает фразу и горько усмехается, – кстати ко мне еще Шацкий приходил. Наш великий и ужасный главврач.

– Зачем? Что ему нужно?

— Сказал, что если я сознаюсь, ему будет проще договориться со следователем. Может, дадут условный срок.

— Что? — я чувствую, как во мне закипает злость. — Какой условный срок? Ты же ни в чем не виноват!

— Я ему так и сказал, — Арсений смотрит на меня. — «Павел Александрович. В чем сознаваться-то?»

— А он что?

— А он сказал: «Сынок, я тебе добра желаю. Если дойдет до суда, тебя точно посадят. А если сознаешься — может, и выкрутимся. У меня есть связи, я помогу».

— Связи, — шепчу я. — Он свою дочь покрывает.

— Может быть, — Арсений снова отводит взгляд. — А может, и правда боится, что меня посадят. Он ведь меня почти сыном называл. Все же муж единственной племянницы любимого брата. Седьмая вода на киселе, как ни крути.

— Сыном, который якобы изнасиловал его дочь, — я чувствую, как слёзы снова подступают, но я сжимаю от злости зубы и они отступают. — Ты веришь ему?

— Не знаю, Вер, — Арсений качает головой и снова садится напротив меня. — Я уже ничего не знаю. Я просто хочу домой.

Я сжимаю его руки. Прижимаю ладонь к своей щеке.

— Я верю тебе, любимый. Верю. И я тебя обязательно вытащу. Слышишь меня? Вытащу, – сжимаю пальцами его ладонь и вижу, что смотрит на меня с благодарностью.

— Спасибо, любимая, — шепчет он и наклоняется к на-

шим сцепленным рукам. Целует мои пальцы. – Ты единственная, кто верит.

За стеной раздаются громкие шаги. Лязгает железный замок и дверь со скрипом открывается. Входит инспектор с равнодушным и усталым лицом.

— Время вышло, — говорит он.

Арсений сжимает мои руки на секунду сильнее. Потом отпускает.

— Я люблю тебя, Вера.

— И я тебя, — отвечаю я и тянусь, чтобы поцеловать его. Он касается своими губами моих губ и опустив глаза, отстраняется.

Я встаю и иду к двери. Оборачиваюсь на пороге и вижу, что он сидит за столом, опустив голову. Свет лампы падает на его плечи, делая их ещё более поникшими.

— Держись, — говорю я.

Он поднимает голову. Кивает.

— Держусь.

Я выхожу на улицу. Холодно. Февральский ветер бьёт в лицо, но я его не чувствую.

Сжимаю телефон в руке.

Нахожу контакт Кости и быстро набираю. Он отвечает почти сразу.

– Абонент у аппарата, – устало отвечает.

— Кость, привет. Это Вера Львова. Результаты токсико-

логии готовы?

Он вздыхает.

— Вера, я же говорил – минимум три дня. Ты что, не знаешь?

— Кость, сегодня уже третий день, – раздраженно заявляю.

— Правда? Совсем заработался, — он мнётся. – Сейчас позвоню, повиси на телефоне.

– Хорошо, – шумно вздыхаю и жду минуту или две. Костя звонит по стационарному и я слышу, как он разговаривает с лабораторией. Потому подходит и берет телефон.

– Вер!

– Я тут.

— Позвонил в лабораторию, они сказали, будет после обеда. Но забрать может только следователь. По запросу.

— Поняла, — говорю я. — А мазок, который брали у Ангелины Шацкой? Те уже должны быть.

— Те уже готовы, да. Они вчера пришли, но я их не видел.

— Спасибо, Кость, — выдыхаю я и кладу трубку.

Смотрю на экран и ищу номер Громова. Нажимаю на пару кнопок и через пару гудков, уже разговариваю с полицейской шавкой, как назвал его мой благоверный.

— Давид Романович, — говорю я. — Мне очень нужна ваша помощь.

— Что случилось?

— Результаты ДНК с тела Ангелины уже готовы. Резуль-

таты токсикологии крови моего мужа тоже должны быть сегодня, после обеда. Но их может забрать только следователь. А еще были результаты ДНК с презерватива — они у вас?

Громов молчит. Потом говорит:

— ДНК с тела Ангелины — готовы, но я их не видел. ДНК с презерватива — пришли вчера. Токсикологию ещё ждём. Но если вы хотите все забрать, я могу съездить с вами.

— Я очень хочу. Давайте съездим до лаборатории, пожалуйста, — выдыхаю я. – Я умру, если не увижу результаты.

— Так! Умирать нам еще рано, – отшучивается он, – обязательно съездим. У меня сейчас как раз перерыв. Вы сейчас где?

— У СИЗО.

— Ждите. Я в соседнем здании. Подъеду через пять минут.

— Спасибо.

Через пять минут подъезжает темно-синий седан Громова. Оставив свою машину на стоянке СИЗО, мы едем в сторону лаборатории.

Дорога занимает пятнадцать минут.

Машина заезжает на парковку у лаборатории.

— Ждите здесь, — говорит Громов. — Я быстро. Одна нога здесь – другая там.

— Я с вами! – восклицаю я и понимаю, что эмоции просто переполняют меня. – Простите.

Он смотрит на меня исподлобья.

— Вер, не положено.

— Пожалуйста, — я смотрю ему в глаза и складываю руки в молитвенном жесте. — Мой муж в СИЗО и он… отчаялся. Я должна принести ему хорошие новости, иначе он…

— Похоже, вы драматизируете. Я видел вашего мужа и если честно… – он замолкает и смотрит на меня. – Ладно, не важно. Идём.

Мы заходим в лабораторию. Идем по белому коридору. Здесь пахнет реактивами, хлоркой и… тайной. За стойкой стоит женщина в белом халате и что-то заполняет.

— Добрый день, Людок, – улыбается полицейский и я первый раз вижу его таким. Он расцвел как майская роза, глаза загорелись и на щеках появились ямочки. Только сейчас я поняла, что мужчина-то очень даже симпатичный.

– Чего тебе, Громов? – недвольно ворчит полноватая женщина, не поднимая глаз.

— У меня запрос на результаты анализов по делу Шацкой. Посмотри, а?

— Щаааа, – кивает и медленно, вальяжно исчезает за дверью. Возвращается через несколько минут с тремя конвертами — жёлтыми, плотными.

— Токсикология крови Львова Арсения Петровича, — читает она. — ДНК-экспертиза биоматериала Шацкой Ангелины Павловны. И ДНК-экспертиза постороннего биоматериала, изъятого в доме подозреваемого.

Громов берёт конверты. Смотрит на меня и ухмыляется, словно все давно уже знает.

— Ну? — не выдерживаю я и трясусь вся в нетерпении. — Открывайте конверты!

— Вы уверены, что хотите знать? — он смотрит на меня. — Прямо сейчас?

— Уверена, — голос мой твёрдый, хотя внутри всё дрожит.

Он кивает и пожимает плечами, как бы говоря: "Я предупреждал". Медленно открывает конверт. Достает лист бумаги и скользит взглядом по строкам. Читает. Лицо остается неподвижным, ни один мускул не дрогнул.

— Что там?! — кричу я. – Говорите уже! Ну!

Громов поднимает на меня глаза.

— Результаты ДНК, — спокойно, даже с ухмылкой, произносит он. — Сперма на коже Ангелины Шацкой принадлежит…

21.

— Кому? — шепчу я. – Кому, Давид Романович?

Сердце колотится где-то в горле. Я не дышу. В ушах — пульсирующий гул, как будто кто-то бьёт в барабан прямо внутри черепа.

— ДНК спермы принадлежит Арсению Львову, — говорит он. — Вашему мужу.

Я отшатываюсь и упираюсь в стену. Руки дрожат и я ногтями вцепляюсь в старую штукатурку.

Я не верю своим ушам. Не могу поверить. Не хочу.

— Что? — переспрашиваю я, и голос мой звучит чужим, далёким. — Не может быть. Вы ошиблись. Это ,наверняка, ошибка. В лаборатории ошиблись. Перепутали пробирки. Не может быть. Арс не мог.

— Ошибки нет, Вер, — Громов протягивает мне лист. — Стопроцентное совпадение. Экспертиза подтвердила дважды.

Я смотрю на бумагу, но ничего не вижу. Буквы расплываются, прыгают, сливаются в серые пятна.

В ушах шумит. Пол уходит из-под ног. Я хватаюсь за край стены, деревянный косяк, но пальцы скользят по гладкой поверхности.

— Этого не может быть, — шепчу я, и голос срывается. — Он не мог… он не… он клялся… он сказал, что не помнит…

он…

— Вера Павловна, — голос Громова доносится откуда-то издалека, как сквозь толстый слой ваты. — Вам плохо? Вера!

— Я… — я хочу сказать, что всё в порядке, но не успеваю.

Мир наклоняется. Стены плывут, как в калейдоскопе. Свет лампы разбивается на тысячи осколков. Я чувствую, как чьи-то руки подхватывают меня, не дают упасть. Чьи-то пальцы сжимают мои плечи.

— Держите её, — слышу я резкий, командный голос женщины — той самой, Люды, которая только что выдавала конверты. — Голову ниже! Ноги поднимите!

— Я… сейчас… — пытаюсь сказать, но язык не слушается, слова застревают в горле, превращаются в невнятное мычание.

Меня усаживают на стул. Жёсткий, пластиковый, холодный. Кто-то суёт мне под нос ватку. Резкий, удушливый запах ударяет в нос — нашатырь. Глаза слезятся, горло дерет. Я задыхаюсь, кашляю, дышу.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

— Вдохните глубже, — командует Люда. — Ещё раз. Не бойтесь. Это всего лишь нашатырь.

Я слушаюсь. Снова и снова. Голова проясняется, но в груди — пустота. Огромная, ледяная дыра, разме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.